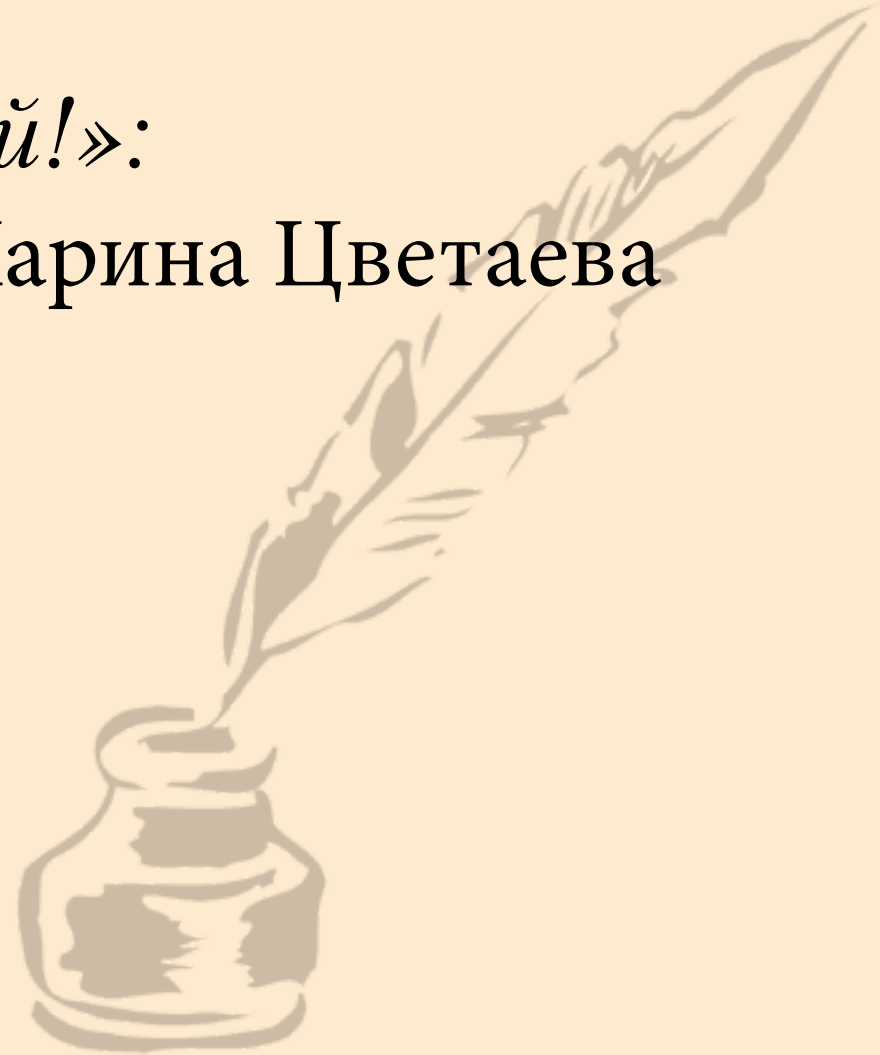
«В той же мастерской!»:
Александр Пушкин – Марина Цветаева



Дом-музей Марины Цветаевой
Борисоглебский переулок 6

Государственный музей А. С. Пушкина

К 225-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина мы представляем виртуальный вариант выставки, проходившей в сезоне 2022/2023 года в Государственном музее А.С. Пушкина на Пречистенке.

Цветаева всю жизнь вглядывалась, вчитывалась, вслушивалась в Пушкина с огромной любовью и пристальным вниманием. Пушкин для всей русской литературы – начало начал, и поэты Серебряного века неизменно соотносили себя с его личностью и наследием. Но цветаевское отношение к Пушкину выделяется на фоне современников особой горячностью: ее оценки пристрастны, ее анализ далек от академического, ее суждения основаны на чувстве внутренней близости и на убеждении в глубинной связи между поэтами, которую им дает общая ноша – дар.

О Пушкине Цветаева писала на протяжении четверти века – всю свою взрослую жизнь, от ранних стихов до зрелой прозы. Ее лирика и эссе и стали основой нынешней выставки, призванной прямо или метафорически иллюстрировать, как вместе с опытом и взрослением углублялось и эволюционировало отношение Цветаевой к старшему собрату по перу. Мы пытаемся выявить и исследовать цветаевский личный миф о Пушкине – миф длиною в жизнь.

Томас Райт по собственному рисунку.
Портрет А.С. Пушкина. 1837. Гравюра пунктиром.
(ГМП)

Марина Цветаева. Париж. 1925.
Фотоателье Петра Шумова. Пересъемка. 1980-е.
(ДМЦ)

Первый зал посвящен раннему этапу;
как и первое стихотворение Цветаевой на эту тему, его можно назвать «Встреча с Пушкиным». Ранние произведения Цветаевой – стихотворения 1913, 1916 и 1920 годов, а также проза «Наталья Гончарова» 1929 года составляют его сюжетную канву.

Первая встреча с Пушкиным – это для Цветаевой встреча с собой, рассказ ему о себе, опыт самопознания и поиск своей идентичности. Она словно ищет свое отражение в глазах Пушкина, как в зеркале.

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

Я подымаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.

Слева – крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна – окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.

Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба... –
Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба... –

Запах – из детства – какого-то дыма
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.

Пушкин! – Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути!
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти...

Не опираясь о смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны, –
Каждого встречного пса! –

Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаще аллей,

Марионеток и звон тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,

Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.

Эти слова: никогда и навеки,
За колесом – колею...
Смуглые руки и синие реки,
– Ах, – Марицлу твою!

Треск барабана – мундир властелина –
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...

Вечное сердце свое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отраженье
В зеркале... – Как я люблю...

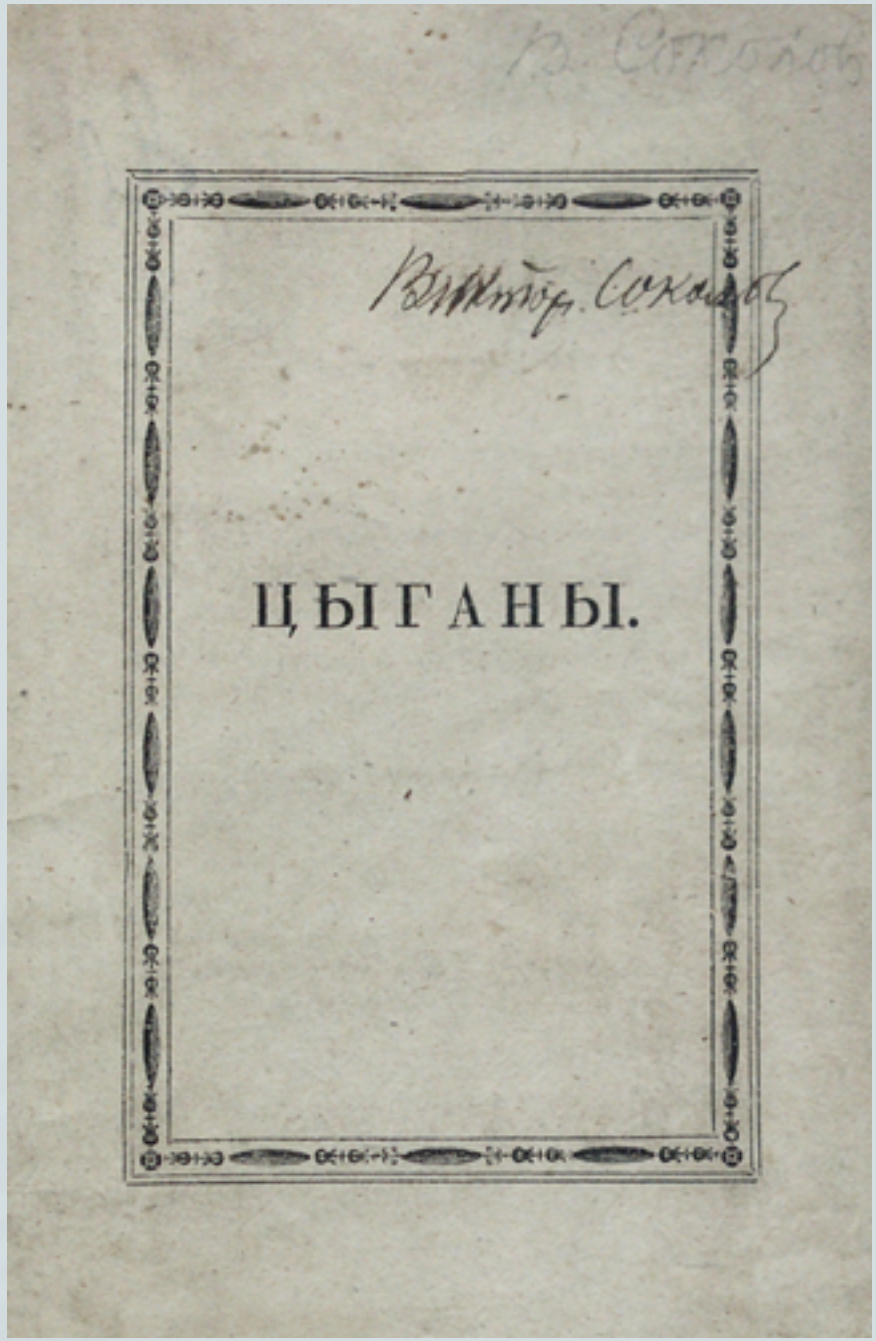
Кончено... – Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз...
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.

Мы помолчали бы оба – не так ли? –
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.

И – потому что от худшей печали
Шаг – и не больше – к игре! –
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

Марина Цветаева
1913

Пушкин для Цветаевой вбирает в свою орбиту все, что она любит у него и вокруг него, в контексте его времени и нравов: здесь соседствуют Байрон и Наполеон, Крым и Версаль, цыганские песни, хмельные пирушки и мечты о дальних странах.



Александр Сергеевич Пушкин. Цыганы. Москва, 1827. (ГМП)

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА

РЕДАКЦІЯ П. А. ЕФРЕМОВА

ТОМЪ V

ПОВѢСТИ, СЦЕНЫ, АНЕКДОТЫ (1834—1835).—ОТРЫВКИ ПОВѢСТЕЙ (1819 — 1835). — АРЗРУМЪ (1829 — 1835). — РАДИЩЕВЪ (1833 — 1836). — ЗАПИСКИ. ИСТОРИЧЕСКІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ (1815—1835).

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1903

Александр Сергеевич Пушкин. Сочинения. Т. 5.
СПб., 1903. (ДМЦ)

В первом стихотворении, посвященном Пушкину, обыгрывается несколько тем, раскрываемых на выставке. Крым как магическое место, способное физически возродить, воплотить Пушкина, бывшего там сто лет назад;

Карточка почтовая. Крым. Гурзуф. Общий вид и «Медведь-гора» (Аю-Даг). Россия. Конец XIX – начало XX в. (ДМЦ)

Софья Сухово-Кобылина. Крым. Алушта. 1850-е. (ГМП)

Софья Сухово-Кобылина. Крым. Алушта. 1850-е. (ГМП)

Федор Гросс. Вид, снятый на вершине Аю-Дага. 1846. (ГМП)

Федор Гросс. Ханский дворец в Бахчисарае. 1846. (ГМП)

не названный, но подразумеваемый топос Европы – через Байрона, королей, дворцы и кареты и т.д.;

Портрет Наполеона I. Копия. [Россия]. 1990-е. (ДМЦ)

Карточка почтовая. Версаль.
Парк с фонтаном Аполлона. Франция. Конец XIX в.
(ДМЦ)

Карточка почтовая. Версаль. Зеркальная галерея.
Франция, Париж. 1920-е. (ДМЦ)

вневременные эпохи, связанные с кочевыми народами (цыганами), – все это делает образный ряд стихотворения очень условным, игровым: это не реальные места и явления, а узнанный в литературе эпохи романтизма воображаемый мир.

Трубка курительная.
Западная Европа, [Германия]. Вторая треть XIX в.
(ГМП)

Пепельница. [Россия]. Начало XX в. (ДМЦ)

Часть колоды пасьянсных карт. Россия. Начало XX в.
(ДМЦ)

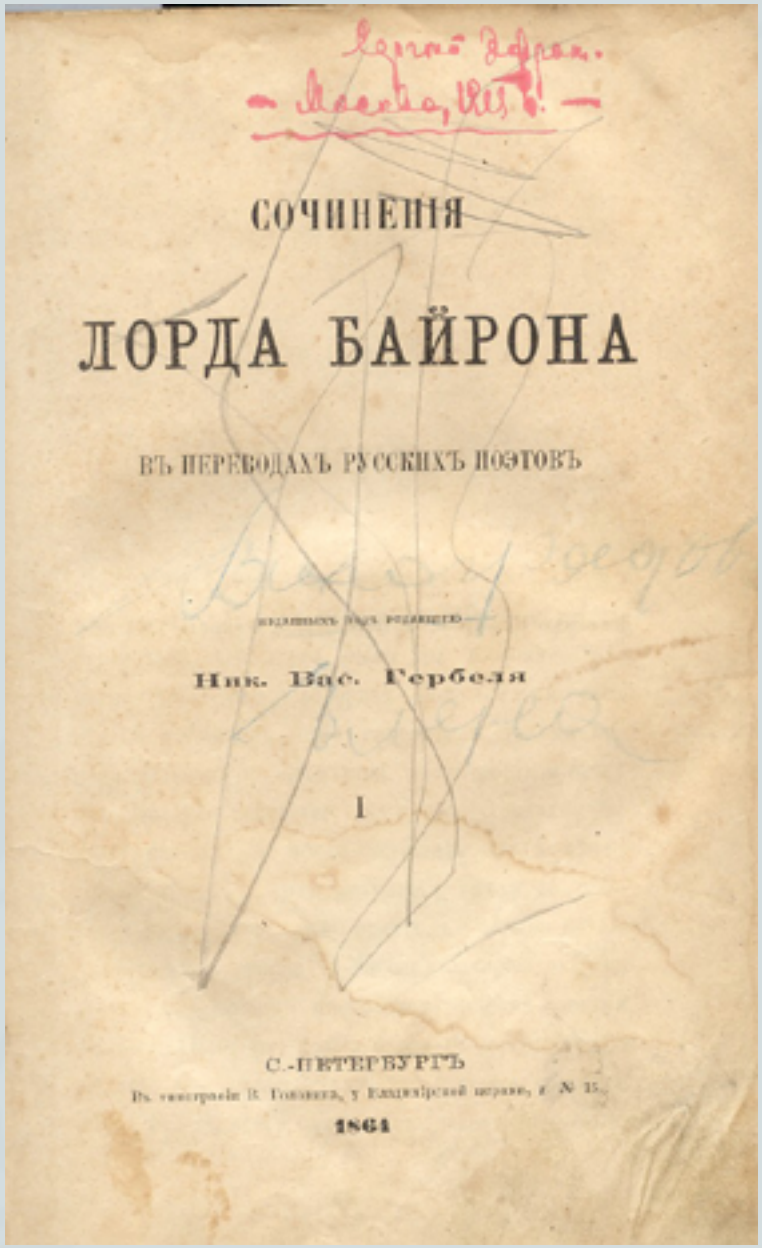
Винная бутылка. Россия. [1814]. (ГМП)

Бокал с гранью «простой алмаз». Россия. 1820-е. (ГМП)

Кукла-марионетка Негр. Москва. 1910-е. (ДМЦ)

Типологические предметы эпохи ампира соседствуют с мемориальными: янтарными бусами Марины Цветаевой и томом Байрона с ее автографом.

Бусы янтарные. Россия. Начало XX в. (ДМЦ)



Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов. СПб., 1864. Два тома во владельческом переплете, на титульном листе автограф Марины Цветаевой: «Сергей Эфрон. – Москва, 1915». (ДМЦ)

Виды Крыма кисти художников XIX века и образы пушкинских цыган работы Ильи Богдеско вместе создают поэтизированное пространство вольности и южного колорита.

Илья Богдеско. Алеко и Земфира. Иллюстрация к поэме А.С. Пушкина «Цыганы». 1957. (ГМП)

Илья Богдеско. Смерть молодого цыгана. Иллюстрация к поэме А.С. Пушкина «Цыганы». 1957. (ГМП)

Илья Богдеско. Земфира. Иллюстрация к поэме А.С. Пушкина «Цыганы». 1957. (ГМП)

Илья Богдеско. Алеко. Иллюстрация к поэме А.С. Пушкина «Цыганы». 1957. (ГМП)

Илья Богдеско. Табор. Иллюстрация к поэме А.С. Пушкина «Цыганы». 1957. (ГМП)

Мысль и взгляд Цветаевой устремлены в эпоху, двойственность которой она остро ощущает и которая воплощается для нее в двух противоположных фигурах: Пушкина и Гончаровой. Пушкин, по Цветаевой, ближе к цыганам его же сочинений, чем к собственной жене. В фигуре первого поэта романтизм вольности, юга, свободных движений души противопоставлен регламентированному миру севера и его имперской столицы, дворцового блеска, лицемерия и фальши, олицетворенному Гончаровой (Цветаева упорно называет ее девичьей фамилией, даже в этом противопоставляя Пушкину).

В этот период Цветаеву более всего занимает ее собственный лирический образ в сопоставлении не с Пушкиным, а с его музой и возлюбленной. Цветаева выстраивает своеобразный треугольник вне времени, где противопоставляет Пушкина Гончаровой и ищет позицию для себя самой. Пушкин, уже знакомый автору с детства, вынесен за скобки, на первый план выступает фигура женщины – то Натальи Гончаровой, то самой Цветаевой.

Счастие или грусть –
Ничего не знать наизусть,
В пышной тальме катать бобровой,
Сердце Пушкина теребить в руках,
И прослыть в веках –
Длиннобровой,
Ни к кому не суровой –
Гончаровой.

Сон или смертный грех –
Быть как шелк, как пух, как мех,
И, не слыша стиха литого,
Процветать себе без морщин на лбу.
Если грустно – кусать губу
И потом, в гробу,
Вспоминать – Ланского.

Марина Цветаева
1916

Приметы образа Гончаровой – нарядные одежды, мех, пух, шелк; черты – безмятежность и отстраненность, превращающие ее в куклу. Роскошные наряды и предметы дамского обихода эпохи ампира иллюстрируют этот образ, превращая витрину в туалетный столик «ветреной Венеры», собирающейся на бал. Старинные виды дворцовых залов и парадных разъездов показывают северную столицу как великолепно убранную сцену, где будут разыграны не только ослепительные выходы первой красавицы, но и трагедия гибели поэта.

Неизвестный литограф. Интерьер большого зала Дворянского собрания в Санкт-Петербурге. 1840-е. (ГМП)

Николай Ульянов. Последний бал. СССР. 1940. (ГМП)

Дмитрий Белюкин. Онегин. Иллюстрация к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Россия. 1998–2000. (ГМП)

Николай Ульянов. А.С. Пушкин с женой перед зеркалом на придворном балу. СССР. Середина XX в. (ГМП)

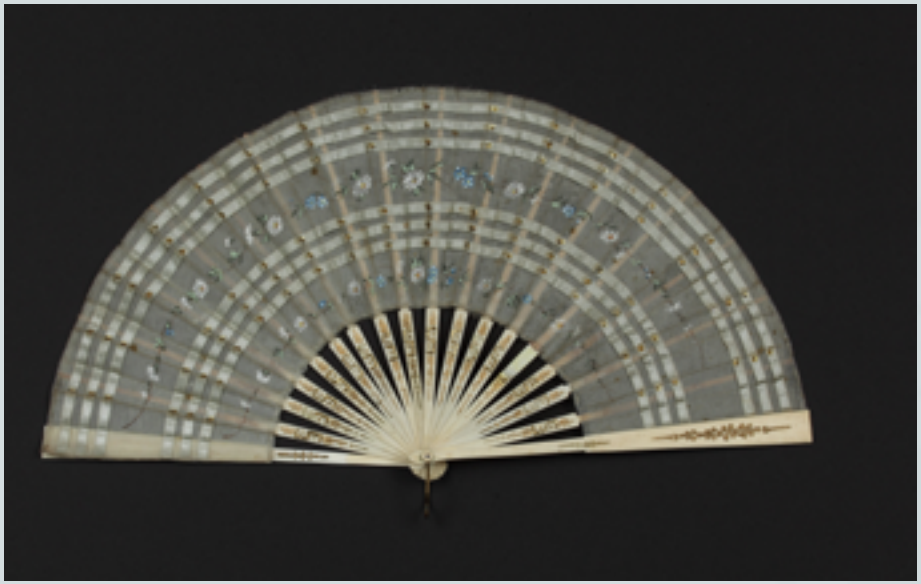
Парфюмерный флакон. Россия. Начало XX в. (ДМЦ)

Пудреница с пуховкой. Россия.
Конец XIX – начало XX в. (ДМЦ)

Пудреница. [Россия]. Конец XIX в. (ДМЦ)

Черепаховый гребень для украшения волос. 1820–1830-е. (ГМП)

Веер plie двухсторонний «Аристократическое общество». На обороте «Побег от соблазна». Франция. 1850-е. (ГМП)



Веер plie с лентами и мелкими цветами. [Россия]. Вторая половина 1890-х. (ГМП)

В следующем стихотворении Цветаева рисует образ жены поэта, чуждой ему по духу, не могущей понять гения, светской пустой красавицы.

ПСИХЕЯ

Пунш и полночь. Пунш – и Пушкин,
Пунш – и пенковая трубка
Пышущая. Пунш – и лепет
Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И – как призрак –
В полукруге арки – птицей –
Бабочкой ночной – Психея!
Шепот: «Вы еще не спите?
Я – проститься...» Взор потуплен.
(Может быть, прощенья просит
За грядущие проказы
Этой ночи?) Каждый пальчик
Ручек, павших Вам на плечи,
Каждый перл на шейке плавной
По сто раз перецелован.
И на цыпочках – как пери! –
Пируэтом – привиденьем –
Выпорхнула.

Пунш – и полночь.
Вновь впорхнула: «Что за память!
Позабыла опахало!
Опоздаю... В первой паре
Полонеза...»

Плащ накинув
На одно плечо – покорно –
Под руку поэт – Психею
По трепещущим ступенькам
Провожает. Лапки в плед ей
Сам укутал, волчью полость
Сам запахивает... – «С Богом!»

А Психея,
К спутнице припав – слепому
Пугалу в чепце – трепещет:
Не прожег ли ей перчатку
Пылкий поцелуй арапа...

_____

Пунш и полночь. Пунш и пепла
Ниспаденье на персидский
Палевый халат – и платья
Бального пустая пена
В пыльном зеркале...

Марина Цветаева
1920

Карточка почтовая. Антонио Канова. Амур и Психея. [СПб.] Начало XX в. (ДМЦ)

Часы «Аллегория музыки». Франция. 1820-е. (ГМП)

Настольное украшение с фигуркой Психеи. (ГМП)

Цветаева описывает состояние вдохновения, ночного бодрствования, осиянного явлением музы. Здесь домашняя сцена прощания супругов (жена уезжает на бал, муж провожает ее) превращена в романтический, очень театральный акт явления музы поэту. Героиня стихотворения названа Психеей: это и обобщенный образ всех возлюбленных Пушкина, и аллюзия на музу-душу-Психею, к которой все они архетипически восходят. Здесь тьма, ночь характеризуют образ поэта – арапа, потомка черной Африки, с ним же ассоциированы образы огня, дыма и пепла, волчьего меха. Психея – образ воздуха, балетной легкости, бабочки, развевающихся одежд, перьев, прозрачности, а также света – жемчуга, пены, зеркала. Зеркало становится таинственным глубоким пространством, рождающим видения и призраки – или поэтическую мечту о них в клубах табачного дыма. «Платья бального пустая пена», старинные веера и бальные туфли, похожие на балетные пуанты, иллюстрируют этот образ.

Дамский бальный костюм. Гравюра Пьера Бакуа с оригинала неизвестного художника. Франция, Париж. 1810. (ГМП)

Платье бальное. Реконструкция по образцу «Модных картинок» 1820-х. (ГМП)

Перчатки женские от театрального костюма. Москва. 1998–2000. (ГМП)

Туфли бальные. Реконструкция по образцу «Модных картинок» 1820-х. (ГМП)

Театральное опахало («экран») с изображением сельского пейзажа. Франция. 1815–1818. (ГМП)

Карне де баль (бальная книжка). Западная Европа. Середина XIX в. (ГМП)

Щипцы для растяжки перчаток. Западная Европа. Середина XIX в. (ГМП)

Веер brise двухсторонний с изображением цветущего барвинка. Франция. Вторая половина 1810-х. (ГМП)

«Молодая девушка, красавица, та непременная красавица многодочерних русских семейств... красавица – сказочная, из разорившейся и бестолковой семьи выходит замуж <...> Страх перед страстью. Гончарова за Пушкина вышла из страху, так же, как Николай I из страху взял его под свое цензорское крыло.

<...>

С Натальи Гончаровой с самого начала снята вина.

<...>

Выезжала, блистала, повергала к ногам всех, от тринадцатилетнего лицеиста до Всероссийского Самодержца – нехотя, но не противясь – как подобает Елене, рождала детей, называла их, по желанию мужа, простыми именами. <...> Безучастность к работе мужа, безучастность к его славе. Предельное состояние претерпевания.

<...>

Нет в Наталье Гончаровой ничего дурного, ничего порочного, ничего, чего бы не было в тысячах таких, как она, – которые не *насчитываются тысячами. Было в ней одно: красавица. Только – красавица, просто – красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И – сразила.*

Просто – красавица. Просто – гений.

<...>

Неправы другие с их "не-парностью". Первый на первой. <...> Чистое явление гения, как чистое явление красоты. <...>

Наталья Гончарова просто *роковая женщина, то пустое место, к которому стягиваются, вокруг которого сталкиваются все силы и страсти. Смертоносное место. (Пушкинский гроб под розами!) Как Елена Троянская* повод, *а не причина Троянской войны (которая сама не что иное, как повод к смерти Ахиллеса), так и Гончарова не причина, а повод смерти Пушкина, с колыбели предначертанной. Судьба выбрала самое простое, самое пустое, самое невинное орудие: красавицу.*

<...>

Страсть к балам – то же, что пушкинская страсть к стихам: единственная полная возможность выявления. (Явиться – выявиться!) Входя в зал – рекла. Всем, от мочки ушка до носка башмачка. Всем сразу. Всем, кроме слов. Все être красавицы в paraître**. Зал и бал – естественная родина Гончаровой. Гончарова только в эти часы* была. *Гончарова не кокетничать хотела, а быть. <...> Языческая пара, без Бога, с только судьбой.*

<...> Судьба посредством Гончаровой выбирает Дантеса, пустое место, равное Гончаровой. Пушкин убит не белой головой, а каким-то – пробелом. <...>

*Чтобы не любить Пушкина (Гончарова) и убить Пушкина (Дантес), нужно было ничего в нем не понять. Гончарову, не любившую, он взял уже с Дантесом in dem Kauf***, то есть с собственной смертью».*

Марина Цветаева
«Наталья Гончарова»
1929

Открытка. Н.Н. Пушкина. Репродукция с оригинала Томаса Райта 1844 г. Москва. 1937. (ДМЦ)

** Быть (фр.).*
*** Казаться (фр.).*
**** В придачу (нем.).*

Портрет Н.Н. Пушкиной. Борис Клабуновский с оригинала Александра Брюллова. Россия. 1986. (ГМП)

Открытка. Н.Н. Пушкина. Репродукция с оригинала Владимира Гау 1844 г.
Москва. 1937. (ДМЦ)

В прозе «Наталья Гончарова» жена поэта трактована Цветаевой как идеальное орудие рока. Красота ее столь же абсолютна, как гениальность Пушкина, – это равновесие в разной природе одаренности. Гончарова здесь – светская красавица, которая вне бальной залы дематериализуется, исчезает. Но не только Гончарова воплощает имперский холод – здесь неизбежной ее тенью уже появляется и Дантес, и их лица сливаются в единый лик – лик смерти поэта. Цветаева осмысляет Гончарову как существо, единоприродное коллективному убийце Пушкина – двору, кавалергарду, императору.

Михаил Панов. Жорж Дантес, барон Геккерен. Россия, последняя треть XIX в. (ГМП)

Цветаева поместила Пушкина – и с ним весь
мир свободы, творчества, вдохновения и любви
– на один полюс оппозиции, а суетный успех,
внешнюю красоту, бесчеловечную власть
и иерархию – на другой. Создав эту оппозицию,
Цветаева выбирает свой полюс – творца,
а не музы, поэта, а не красавицы, певца,
а не возлюбленной – и, таким образом, обретает
себя самое как наследницу духа и дела Пушкина.

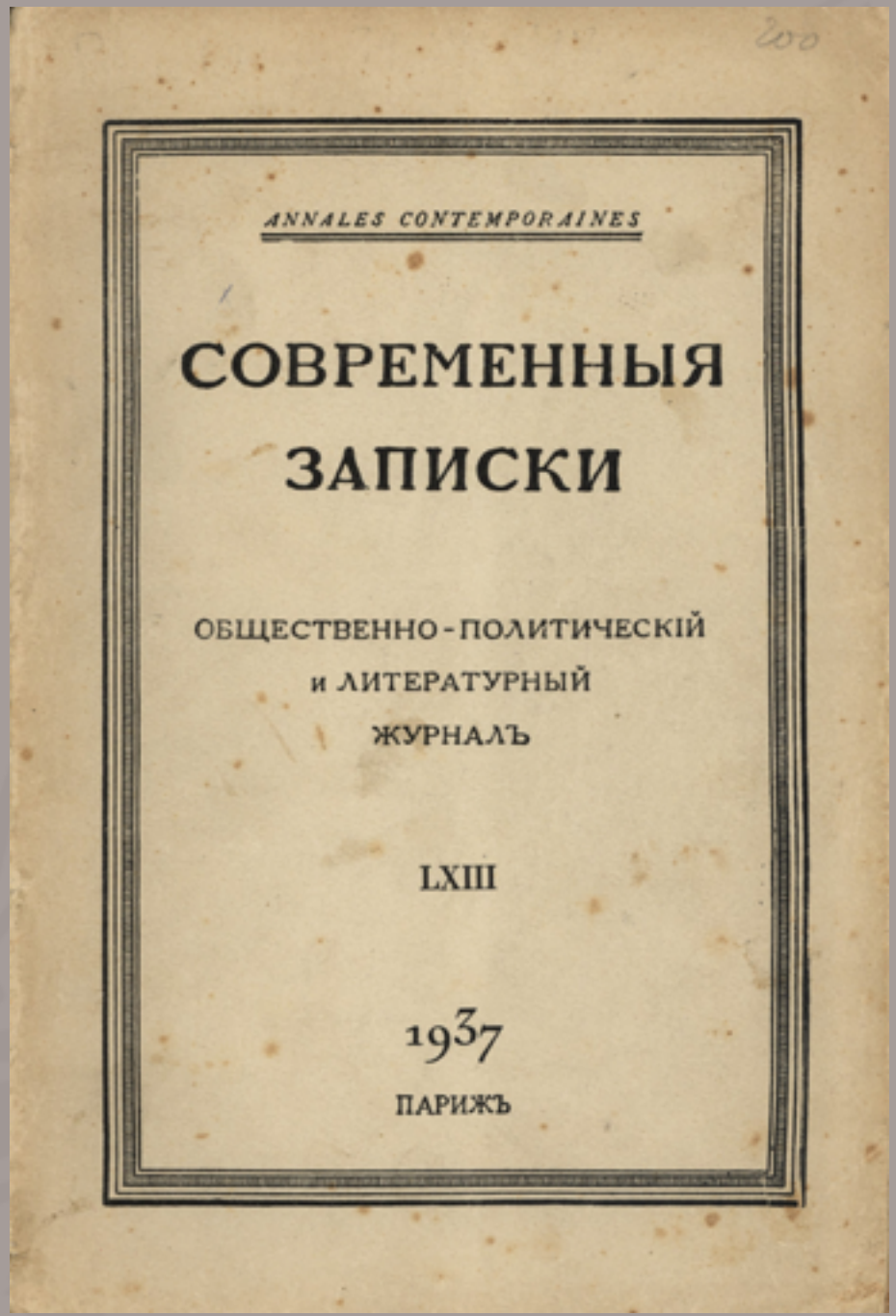
_____

Второй раздел выставки – это следующий этап творческой рефлексии Цветаевой над пушкинским наследием. Начало 1930-х годов – это время, когда она во Франции создает цикл «Стихи к Пушкину» и эссе о философии поэзии – «Искусство при свете совести» (1932), «Поэты с историей и поэты без истории» (1933). В это время Пушкин начинает восприниматься Цветаевой как феномен, определивший не только ее личную поэтическую судьбу, но и всю русскую литературу. Он – Орфей, архетип поэта, исходный пункт в рассуждениях Цветаевой о природе поэзии и смысле искусства. Пушкин для нее – универсальная мера, с какой Цветаева подходила к пониманию творчества своих современников, он же – вечно ускользающий от научного и обывательского подхода дух парадоксальной, неуловимой и изменчивой природы искусства; божественный бессмертный гений.

Диалог поэтов сквозь время иллюстрирует бронзовый медальон с их барельефными портретами.

Нина Матвеева. Цветаева и Пушкин. [Москва]. 2004. (ДМЦ)

Цветаева определяет общие, родовые черты поэта, которые потом войдут в ее личный миф о Пушкине: свобода, витальность, сверхчуткость к голосу своего гения и одновременно способность противостоять неземной стихии, чьим транслятором становится поэт. Цветаева очищает имя Пушкина от шелухи стандартных определений и позволяет избежать создания новых, утверждая гения как воплощение воспетой им вольности, живой, нефиксируемой, бесконечной сущности.



Современные записки: Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Париж. 1937. № LXIII. (ДМЦ)

Надменный взглядъ, скрипѣніе пера —
Какъ ловко мечутъ карты шулера!

О, какъ тяжелъ и холоденъ свинецъ
Высокомѣрныхъ и пустыхъ сердецъ.

Усмѣшкою какой кривилась рты,
Когда ты навзничь падалъ съ высоты,

Когда въ грязи любовь, въ крови снѣга
Подъ шпорой щегольскаго сапога,

Когда уже не измѣнить судьбу,
Когда свинецъ въ боку, мертвецъ въ гробу.

Влад. Смоленскій.

I.

СТИХИ КЪ ПУШКИНУ.

Бичъ жандармовъ, богъ студентовъ,
Желчь мужей, услада женъ
Пушкинъ — въ роли монумента?
Гости каменнаго? — онъ,

Скалозубый, взглядовзорый
Пушкинъ — въ роли Командора?

Критикъ — ноя, нытикъ — вторя:
«Гдѣ же пушкинское (взрывъ)
Чувство мѣры?» Чувство — моря
Позабыли — о гранитъ

Бьющагося? Тотъ, солёный
Пушкинъ — въ роли лексикона?

Двѣ ноги свои — погрѣться
Вытянувшій, и на столъ

Вспрыгнувшій при Самодержцѣ,
Африканскій самоволъ —

Нашихъ прадѣдовъ умора —
Пушкинъ — въ роли гувернёра?

Чернаго не перекрасить
Въ бѣлаго — неисправимъ!
Недурёнъ россійскій классикъ
Небо Африки — своимъ

Звавшій, невское — проклятымъ!
Пушкинъ — въ роли русопята?

Къ пушкинскому юбилею
Тоже рѣчь произнесемъ:
Всѣхъ румянѣй и смуглѣе
До сихъ поръ на свѣтѣ всемъ, —

Всѣхъ живучѣй и живѣе!
Пушкинъ — въ роли мавзолея?

Уши лошади отъ воплЯ:
— «Передъ Пушкинымъ во фрунтъ!»
А куда дѣвали пёклО
Губъ, куда дѣвали — бунтъ

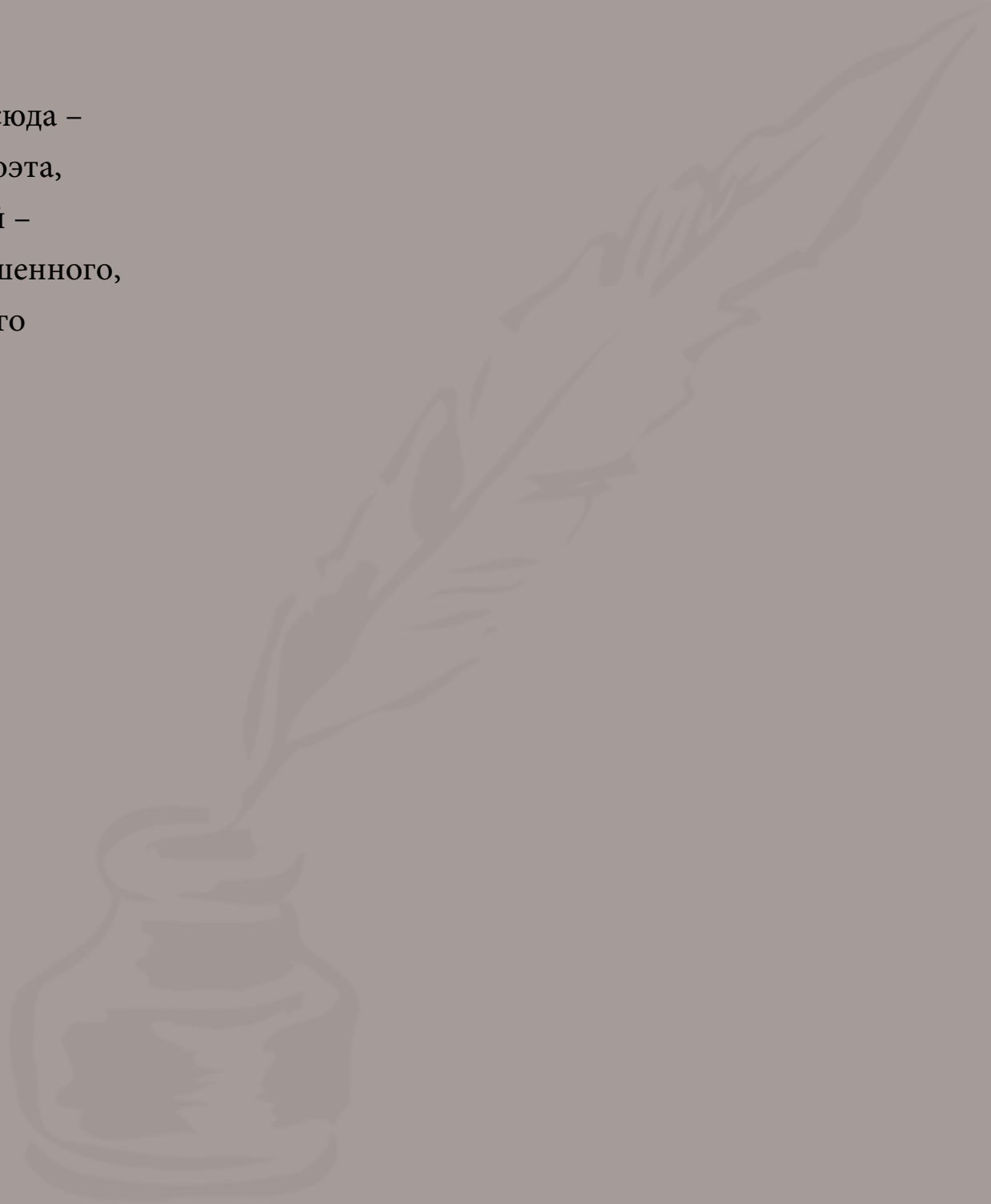
Пушкинскій? Устъ оканство?
Пушкинъ — въ мѣру пушкиньянца?

Что вы дѣлаете, карлы,
Этотъ, голубѣй оливъ,
Самый вольный, самый крайній
Лобъ — навѣки заклейменъ

Низостію двуединой
Золота и середины?

Публикация «Стихов к Пушкину» Марины Цветаевой в № 63 журнала «Современные записки». (ДМЦ)

Цветаеву в этот период занимает вопрос иерархии земной и метафизической. Отсюда – размышления о поэте и царе, о власти поэта, о силе искусства. Пушкин для Цветаевой – наследник Петра I: и по масштабу совершенного, и через предка своего Ганнибала, царского крестника.



ПЕТР И ПУШКИН

Не флотом, не по́том, не задом
В заплатах, не Шведом у ног,
Не ростом – из всякого ряду,
Не сносом – всего, чему срок,

Не лотом, не ботом, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!)

И бо́льшего было бы мало,
(Бог дал, человек не обузь!) –
Когда б не привез Ганнибала-
Арапа на белую Русь.

Сего афричёнка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил, – от внука-
то негрского – *свет на Руси!*

Уж он бы вертлявого – в струнку
Не стал бы! – «На волю? Изволь!
Такой же ты камерный юнкер –
Как я – машкерадный король!»

Поняв, что ни пеной, ни пемзой –
Той Африки – Царь-Грамотей
Решил бы: «Отныне я *– цензор*
Твоих африканских страстей».

И дав бы ему по загривку
Курчавому (стричь-не остричь!)
– Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!

Плыви – ни об чем не печалься!
Чай, есть в паруса кому дуть!
Соскучишься – так ворочайся,
А нет – хошь и дверь позабудь!

Приказ: ледяные туманы
Покинув – за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И виршами нам описать.

И мимо наставленной свиты,
Отставленной – прямо на склад,
Гигант, отпустивши пииту,
Помчал – по земле или над*?*

Сей, не по снегам смуглолицый
Российским – снегов Измаил!
Уж он бы заморскую птицу
Архивами не заморил!

Сей, не по кровям торопливый
Славянским, сей тоже *– метис!*
Уж ты б у него по архивам
Отечественным не закис!

Уж он бы с тобою – поладил!
За непринужденный поклон
Разжалованный – Николаем,
Пожалованный бы – Петром!

Уж он бы жандармского сыска
Не крыл бы «отечеством чувств»!
Уж он бы тебе – василиска
Взгляд! – не замораживал уст.

Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком
– Подонком – опенком Петра

Был сослан в румынскую область –
Да ею б – пожалован был
Сим – так ненавидевшим робость
Мужскую – что сына убил

Сробевшего. – «Эта мякина –
Я? Вот и роди! и расти!»
Был негр *ему истинным сыном,*
Так истинным правнуком – ты

Останешься. Заговор равных.
И вот, не спросясь повитух,
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух,

И шаг, и светлейший из светлых
Взгляд – коим поныне светла...
Последний – посмертный – бес*смертный*
Подарок России – Петра.

Марина Цветаева
Из цикла «Стихи к Пушкину»
1931

Поэт оказывается детищем царя, равным Петербургу, или русскому флоту, или новой роли России в мире. Кроме того, Пушкин связан с Петром через своего предка – Абрама Ганнибала. Величие Петра равно величию Пушкина и противопоставлено низости Николая I – цензора и врага Пушкина, запершего поэта в архивах. Эта оппозиция представлена в смотрящих друг на друга портретах и скульптурах двух императоров, в облике столицы, бывшей морскими воротами для всего мира при Петре и ставшей городом военных парадов в замкнутых ансамблях дворцовых площадей при Николае.

Неизвестный автор. Абрам Петрович Ганнибал. Россия. Конец XIX в. (ГМП)

Медный всадник. Уменьшенная копия памятника Петру I работы Этьена Фальконе и Мари-Анн Колло. (ГМП)

Бернхардт Фогель. Петр I Алексеевич, император. Гравюра с оригинала Яна Купецкого. Нюрнберг. [1737]. (ГМП)

Франческо Бартолоцци. Афина и музы. Гравюра с оригинала Джованни Чиприани. [Италия]. 1790-е. (ГМП)

Франческо Бартолоцци. Жертвоприношение Юпитеру. Гравюра с оригинала Джованни Чиприани. [Италия]. 1790-е. (ГМП)

Франсуа Шевалье. Николай I, император Всероссийский. СПб. Вторая треть XIX в. (ГМП)

Норберт Шредль. Портрет императора Николая I. 1853. (ГМП)

Мэтью Дюбург. Памятник Петру I на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. 1812. (ГМП)

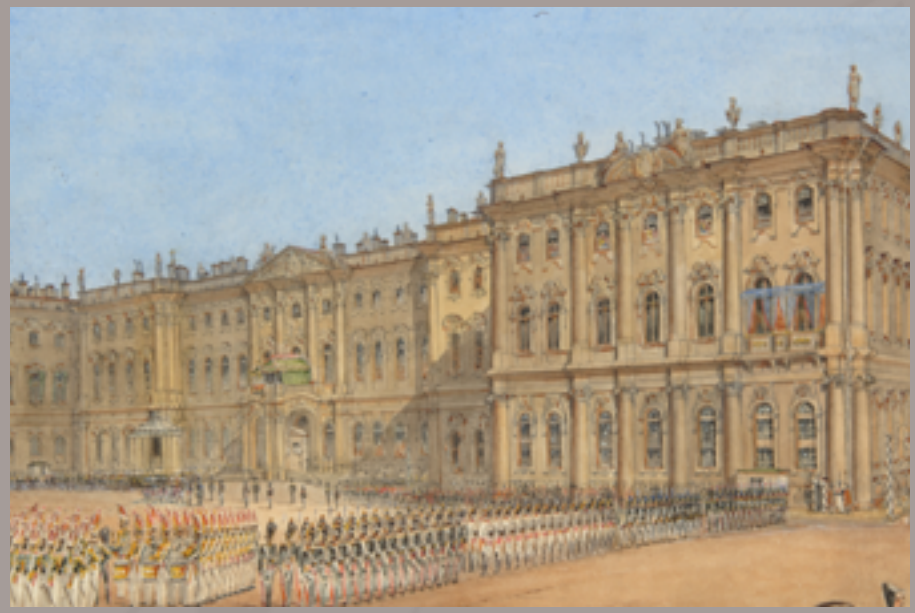
Карл Беггров. Петербург. Адмиралтейская верфь. СПб. Середина 1820-х. (ГМП)

Еким Внуков. Проспект Государственных коллегий и части Гостиного двора в Санкт-Петербурге. Гравюра с оригинала Михаила Махаева. Германия, Аугсбург. Около 1780. (ГМП)

Неизвестный гравер. Петербург. Нева между Адмиралтейством и Академией Наук. Париж. 2-я половина XVIII – 1-я треть XIX в. (ГМП)

Фердинанд Виктор Перро. Петербург. Зимний дворец. [1841]. (ГМП)

Луи Жюль Арну. Петербург. Вид на Александровскую колонну из-под арки Главного штаба. 1840-е. (ГМП)



Василий Садовников. Петербург. Парад войск у Зимнего дворца. СПб. 1840-е. (ГМП)

Василий Садовников. Петербург. Военный парад на Дворцовой площади. СПб. 1850. (ГМП)

Бенжамен Патерсен. Петербург. Главный фасад Михайловского замка. 1807. (ГМП)

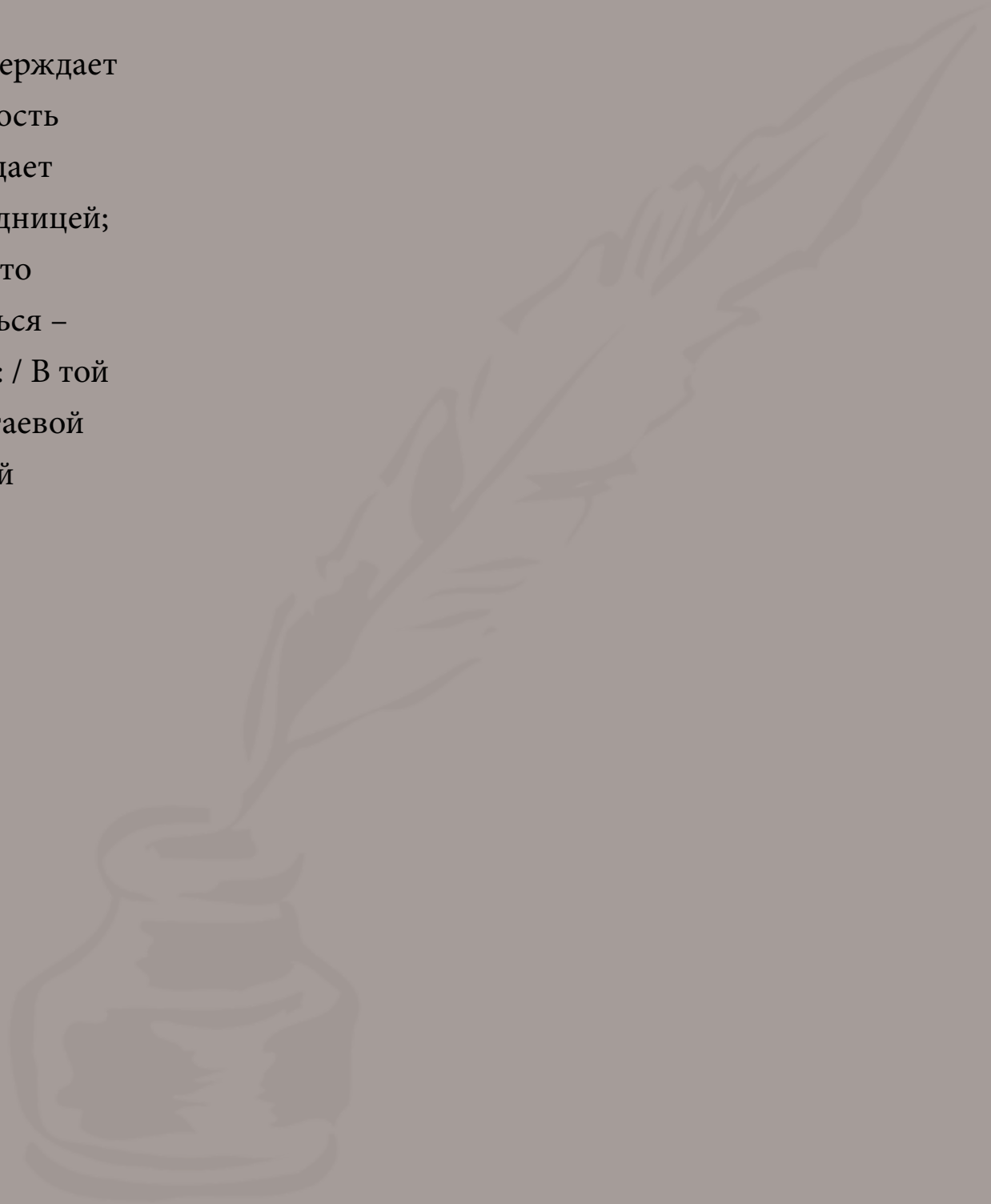
Николаевское время – это время блистательных великосветских балов, которые Пушкин не только посещал, но и описал.

Франц Келлерховен. Парадная лестница в Зимнем дворце. С оригинала Василия Садовникова. 1858. (ГМП)

Шарль Клодт Башелье. Фельдмаршальский зал. С оригинала Василия Садовникова.1858. (ГМП)

Шарль Клодт Башелье. Георгиевский тронный зал. С оригинала Василия Садовникова.1858. (ГМП)

В стихотворении «Станок» Цветаева утверждает свою прямую поэтическую преемственность от Пушкина, его творческий метод ощущает как мастерскую, в которую входит наследницей; его рукописи становятся для нее не просто понятны, но словно продолжают твориться – теперь уже ее рукой. «Прадеду – товарка: / В той же мастерской!» – это восклицание Цветаевой передает возникшее у нее чувство особой близости к первому поэту.



(СТАНОК)

Вся его наука –
Мощь. Светло – гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

Пра́деду – товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка –
Как своей рукой.

Вольному – под стопки?
Мне, в котле чудес
Сем – открытой скобки
Ведающей – вес,

Мнящейся описки –
Смысл, короче – всё.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!

Пелось *как – поется*
И поныне – так.
Знаем, как «дается»!
Над тобой, «пустяк»,

Знаем – как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю – как хотелось
В лес – на бал – в возок...

И как – спать хотелось!
Над цветком любви –
Знаю, как скрипелось
Негрскими зубьми!

Перья на востро́ты –
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!

А зато – меж талых
Свеч, картежных сеч –
Знаю – как стрясалось!
От зеркал, от плеч

Голых, от бокалов
Битых на полу –
Знаю, как бежалось
К голому столу!

В битву без злодейства:
Самого – с самим!
Пушкиным не бейте!
Ибо бью вас – им!

Марина Цветаева
Из цикла «Стихи к Пушкину»
1931

На условно воссозданном рабочем столе поэта – письменный прибор и копии автографов Пушкина. Здесь же – «Невский альманах», публиковавший произведения Пушкина при жизни поэта, и «Современник», издававшийся самим Пушкиным.

Стол письменный. Россия. Первая треть XIX в. (ГМП)

Кресло. Россия. 1820-е. (ГМП)

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

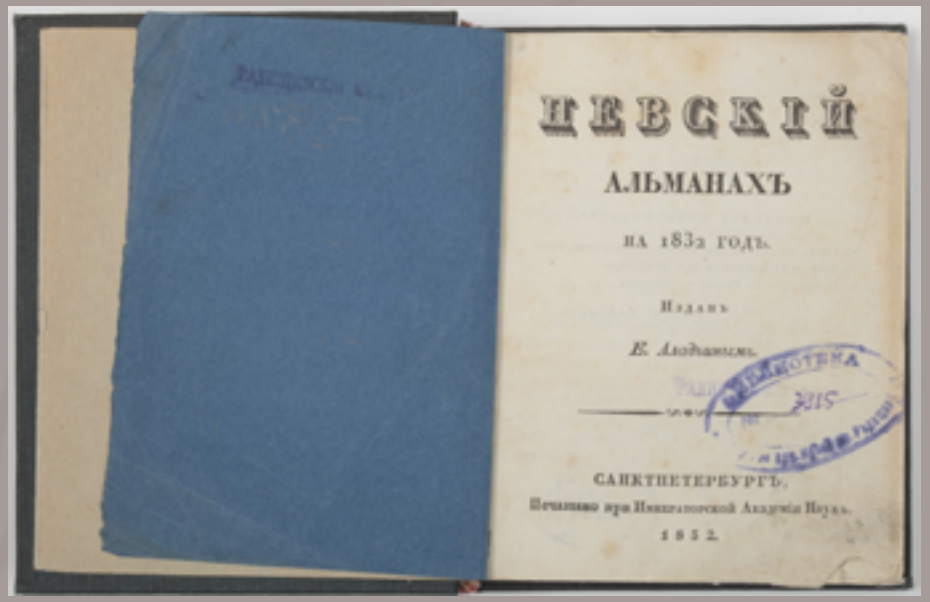
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОСПОДЪ

1836.

Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Т. 4. СПб. 1836. (ГМП)


НЕВСКІЙ

АЛЬМАНАХЪ

НА 1832 ГОДЪ.

Издан

Е. Аладьиным.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано при Императорской Академіи Наукъ.

1832.

Невский альманах на 1832 год / Издан Е. Аладьиным. СПб. 1832. (ГМП)

Подсвечник на трех львиных лапах. Западная Европа. XIX в. (ГМП)

Чернильный прибор с арапчонком. Россия. Первая четверть XIX в. (ГМП)

Здесь же – ставшие классическими детали его внешнего облика: перчатки, цилиндр, трость (последняя – как знак общей страсти обоих поэтов к дальним прогулкам). Цветаева воспевает атлетическую стать Пушкина, напоминающую его современникам образцы античной скульптуры, а для нее – «мускул полета, бега, борьбы».

Цилиндр. «Peck & Co». Бостон. Первая половина XIX в. (ГМП)

Мужские лайковые перчатки. Западная Европа. XIX–XX в. (ГМП)

Мужские лайковые перчатки. Западная Европа. XIX–XX в. (ГМП)

«Нигде никогда стихии так не выговаривались. Наитие стихий – все равно на кого, сегодня – на Пушкина. Языками пламени, валами океана, песками пустыни – всем, чем угодно, только не словами – написано.
<...>

Гений: высшая степень подверженности наитию – раз, управа с этим наитием – два. Высшая степень душевной разъятости и высшая – собранности. Высшая – страдательности и высшая – действенности.
<...>

Вальсингам, который для Пушкина только повод к стихийному (чумному) себе, именно Вальсингам Пушкина от Чумы спасает – в песню, без которой Пушкин не может быть стихийным собой. Дав ему песню и взяв на себя конец.

Последний атом сопротивления стихии во славу ей – и есть искусство. Природа, перебарывающая сама себя во славу свою.
<...>
Поэта, не принимающего какой бы то ни было стихии – следовательно и бунта – нет. Пушкин Николая опасался, Петра боготворил, а Пугачева – любил».

«Для большого поэта достаточно большого поэтического дара. Для великого самого большого дара – мало, нужен равноценный дар личности: ума, души, воли и устремление этого целого к определенной цели, то есть устроение этого целого. <...> Слишком обширен и прочен земной фундамент гения, чтобы дать ему – так – уйти в высь. Шекспир, Гёте, Пушкин. Будь Шекспир, Гёте, Пушкин выше, они бы многого не услышали, на многое бы не ответили, ко многому бы просто не снизошли.
<...>

Поэт есть ответ. ...определенный и неизменный душевно-художественный рефлекс: на что́ – уже вопрос – может быть, просто объема мозга. Пушкин сказал: на все. Ответ гения.
<...>

Не хочу служить трамплином чужим идеям и громкоговорителем чужим страстям.
Чужим? А есть ли для поэта – чужое? Пушкин в Скупом Рыцаре даже скупость присвоил, в Сальери – даже без-дарность».

Марина Цветаева
«Искусство при свете совести»
1932

«Поэты, имеющие историю, как и сама история, не отрекаются от себя, а просто не оборачиваются на себя, они движутся только вперед! Таков закон движения и проникновения.

Где он сам? Везде и нигде. Сколько их? Столько, сколько шагов. А может быть, это и есть сущность гения?

Поэты с историей, что очень важно, – поэты темы. Мы всегда знаем, о чем они пишут, а если и не знаем, то узнаем после завершения их пути, куда они шли (у них есть цель). Редко такие поэты бывают чистыми лириками. Они слишком велики по объему и размаху, им тесно даже в своем “я” – пусть в самом большом; они так расширяют это “я”, что оно просто сливается с краем горизонта. (Гёте, Пушкин.) Человеческое “я” становится “я” страны – народа – данного континента –

столетия – тысячелетия – небесного свода...
Тема для такого поэта – повод
для рождения нового себя, которое не всегда
человеческое. Весь их земной путь – череда
перевоплощений и не всегда в человека:
в камень, цветок, созвездие. Они словно
вобрали в себя все дни творения.

Поэты с историей прежде всего поэты воли.
Говорю о воле выбора, о воле – выборе. <...>
О решимости расстаться с сегодняшним
собой. <...> Поэт с историей отбрасывает
все, что не лежит на линии его "стрелы" –
его личности, его дара, его истории. Выбирает
его непогрешимый инстинкт главного.
И после завершения пушкинского пути у нас
остается ощущение, что Пушкин не мог
не создать того, что создал, и написать то,
что он не написал. (Поэт с историей имеет
еще и ясный взгляд на других. И Пушкин
обладал таким взглядом). <...>

Пушкин, как всякий поэт с историей,
как и сама история, начал с самого начала и
всю свою жизнь провел im Werden,*
а Лермонтов сразу – был. Пушкину, чтобы
открыть себя, потребовалось прожить не
одну жизнь, а сто».

Марина Цветаева
«Поэты с историей и поэты без истории»
1933

** В становлении (нем.).*

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА

Съ портретомъ автора, художника В. А. Серова и 66-ю рисунками художниковъ: А. С. Архипова, А. Н. Бенуа, А. М. Васнецова, В. М. Васнецова, М. А. Врубеля, Н. В. Досѣкина, С. В. Иванова, К. А. Коровина, С. А. Коровина, Е. Е. Лансере, И. И. Левитана, С. В. Малютина, Л. О. Пастернака, И. Е. Репина, К. А. Сомова, В. И. Сурикова и В. А. Серова.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ БІОГРАФІИ ПУШКИНА НАПИСАННОЙ П. И. ИВАНОВЫМЪ.

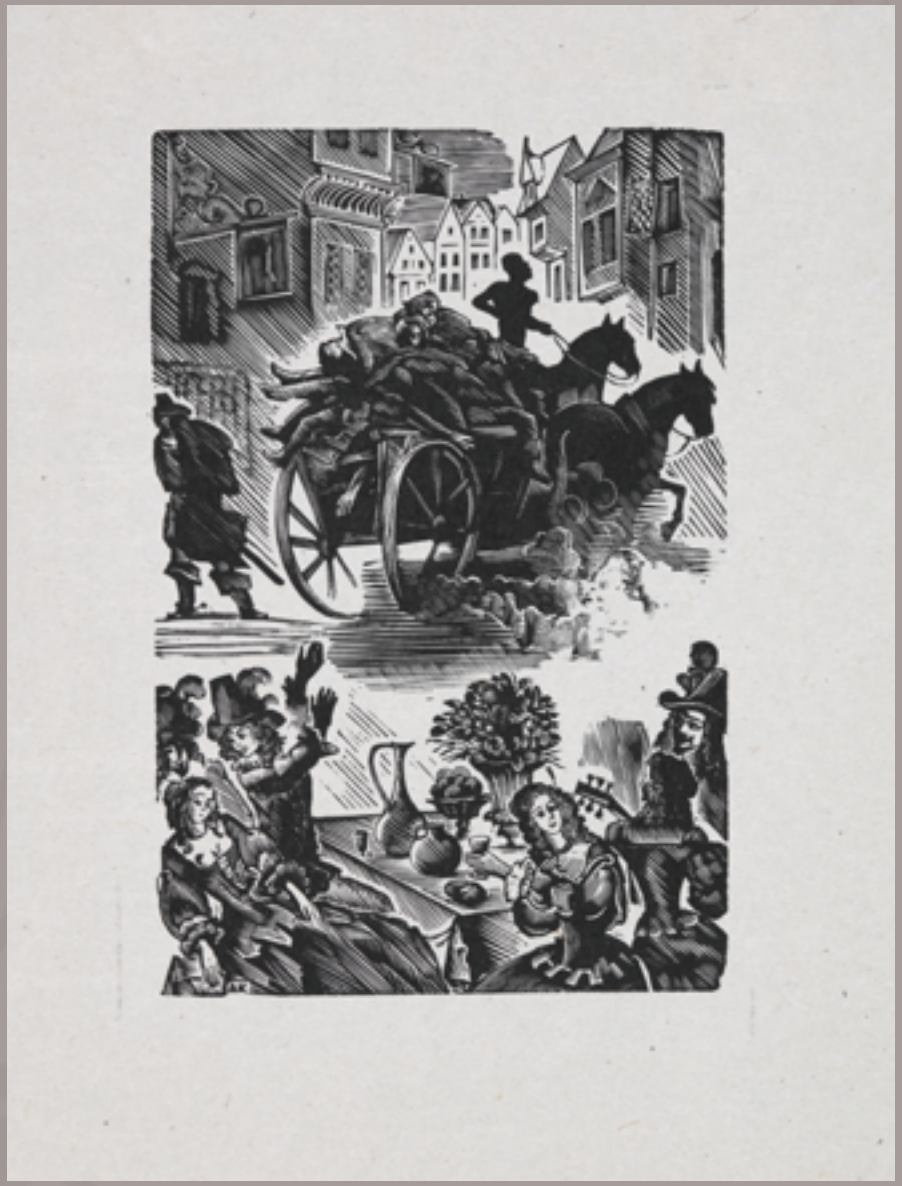
I

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Леонтьевскій пер., домъ Мамонтова
1899

А.С. Пушкин. Сочинения. Москва, 1899. (ГМП)

Издание к столетию со дня рождения А.С. Пушкина было отпечатано в той же типографии А.И. Мамонтова в Леонтьевском переулке, где одиннадцать лет спустя Марина Цветаева выпустила свой дебютный поэтический сборник «Вечерний альбом» (1910 год).

«Маленькую трагедию» Пушкина «Пир во время чумы» Цветаева избирает как доказательство своей теории о природе взаимоотношений поэта и его дара. Главное в этих отношениях – «наитие стихий» на поэта и его способность избыть их власть через творческий акт, двойная способность, определяющая поэта: и ощутить могучую власть «чары», и противопоставить ей свою «песню». Этой пьесе Пушкина посвящены и работы художников разного времени, представленные на выставке.



Алексей Кравченко. Иллюстрация к трагедии А.С. Пушкина «Пир во время чумы». 1936. (ГМП)

Иван Рерберг. Иллюстрация к трагедии А.С. Пушкина «Пир во время чумы». На площади. 1937. (ГМП)

Александр Бенуа. Эскиз костюма священника к «Пиру во время чумы» в постановке «Пушкинский спектакль» в МХТ. Москва. 1915. (ГМП)

Третий раздел выставки – вершинное воплощение цветаевского мифа о Пушкине и, шире, – об искусстве, о родине, о власти земной и небесной. Ключевые произведения этого времени – переводы Цветаевой стихов Пушкина на французский язык (1936), прозаические «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев» (1937).

В этом блоке Цветаева поднимает интереснейшую тему: о рецепции (усвоении и понимании) наследия и образа Пушкина – ребенком, детьми, т.е. всей Россией с младенчества. Пушкин предстает как определяющий национальное сознание феномен. Другая важная тема – о методах познания истины, предлагаемых наукой и искусством. Исследуя работу Пушкина-историка и Пушкина-творца, Цветаева утверждает приоритет поэтического, преображающего начала: именно оно прозревает в груде фактов высший замысел.

1937 год, год столетия со дня смерти поэта, проходил в чествованиях памяти Пушкина по всему миру. Цветаева именно с мотива трагедии и начинает эссе «Мой Пушкин», вспоминая копию знаменитой картины Наумова «Дуэль Пушкина с Дантесом», висевшую в родительском доме. Этот образ определил для нее разделение мира «на поэта – и всех» и категорическое предпочтение поэта всем прочим, а памятник Пушкину на Тверском бульваре стал наглядным воплощением и масштаба, и сути пушкинского места в русской литературе.

Модель памятника Пушкину. По оригиналу Александра Опекушина. Конец XIX в. (ГМП)

Копия картины Наумова работы неизвестного художника, уменьшенное воспроизведение модели памятника Опекушина и старинная фотография Тверского бульвара с памятником на его исконном месте – все это иллюстрирует ту систему координат, в которой существовало и развивалось цветаевское восприятие Пушкина.

Неизвестный художник. Дуэль Пушкина с Дантесом. Копия с оригинала Алексея Наумова 1885 г. [Россия. XIX в.] (ДМЦ)

Вид Тверского бульвара в Москве. Фотоателье Ш. Набгольц и К. Москва. 1888. (ГМП)

Давая своей автобиографической прозе название «Мой Пушкин», Цветаева тем самым подчеркивала, что опыт встречи с поэтом у каждого свой, но одновременно личные детские впечатления она подавала как типические, возводила на уровень всеобщности. Таким образом, по Цветаевой, Пушкин – точка отсчета не только в художественном, но и в этическом отношении для любого русского ребенка, он буквально учит каждого с младенчества свободе, смелости, сострадательности, достоинству.

«...Была картина в спальне матери – “Дуэль”.

Снег, черные прутья деревец, двое черных людей проводят третьего, под мышки, к саням – а еще один, другой, спиной отходит. Уводимый – Пушкин, отходящий – Дантес. Дантес вызвал Пушкина на дуэль, то есть заманил его на снег и там, между черных безлистных деревец, убил.

Первое, что я узнала о Пушкине, это – что его убили. Потом я узнала, что Пушкин – поэт, а Дантес – француз. Дантес возненавидел Пушкина, потому что сам не мог писать стихи, и вызвал его на дуэль, то есть заманил на снег и там убил его из пистолета в живот. <...> вечные действующие лица пушкинской лирики: поэт – и чернь. Чернь, на этот раз в мундире кавалергарда, убила – поэта. <...>

Черная с белым, без единого цветного пятна, материнская спальня, черное с белым окно: снег и прутья тех деревец, черная и белая картина “Дуэль”, где на белизне снега совершается черное дело: вечное черное дело убийства поэта – чернью.

Пушкин был мой первый поэт, и моего первого поэта – убили.

С тех пор, да, с тех пор, как Пушкина на моих глазах на картине Наумова – убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали всё мое младенчество, детство, юность, – я поделила мир на поэта – и всех и выбрала – поэта,
в подзащитные выбрала поэта: защищать – поэта – от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались.
<...>

Памятник Пушкина был не памятник Пушкина (родительный падеж), а просто Памятник-Пушкина, в одно слово, с одинаково непонятными и порознь не существующими понятиями памятника и Пушкина. То, что вечно, под дождем и под снегом, – о, как я вижу эти нагруженные снегом плечи, всеми российскими снегами нагруженные и осиленные африканские плечи! <...>
Памятник Пушкина, опережая события, – памятник против расизма, за равенство для всех рас, за первенство каждой – лишь бы давала гения. <...>
Чу́дная мысль – чернотой изваяния дать Москве лоскут абиссинского неба.
Ибо памятник Пушкина явно стоит "под небом Африки моей". Чу́дная мысль – наклоном головы, выступом ноги, снятой с головы и заведенной за спину шляпой поклона *– дать Москве, под ногами поэта, море. Ибо Пушкин не над песчаным бульваром стоит, а над Черным морем. Над морем свободной стихии – Пушкин свободной стихии.*

Мрачная мысль – гиганта поставить среди цепей. <...> Круг николаевских рук, никогда не обнявших поэта, никогда и не выпустивших. Круг... разомкнувшийся только Дантесовым выстрелом».

Марина Цветаева
«Мой Пушкин», 1937

Подробное цветаевское исследование формирующего влияния поэзии Пушкина на детское сознание показано на выставке через предметы, связанные с главными для Цветаевой темами его творчества: сыновняя нежность к няне, романтизм и свободолюбие, африканский темперамент и русская тоска.

Море для Цветаевой так и осталось более настоящим в пушкинском «К морю», в шуме раковины и синеве на картинке, чем в реальности. «Прощай, свободная стихия» – это репродукция картины Айвазовского и Репина на обложке Пушкинского номера эмигрантского журнала «Иллюстрированная Россия», образ, ставший уже классическим.

Иван Айвазовский. Море. [Одесса. 1840-е]. (ГМП)

Морская раковина. (ДМЦ)

«Ничего зрительного и предметного в моем
К Морю *не было, были шумы – той розовой австралийской раковины, прижатой к уху, и смутные видения – того Байрона и того Наполеона, которых я даже не знала лиц, и, главное, – звуки слов, и – самое главное – тоска: пушкинского призвания и прощания. <...> безграмотность моего младенческого отождествления стихии со стихами оказалась – прозрением: "свободная стихия" оказалась стихами, а не морем, стихами, то есть единственной стихией, с которой не прощаются – никогда».*

Марина Цветаева
«Мой Пушкин», 1937

Журнал. Иллюстрированная Россия. Париж. 2 июня 1928. № 23 (160), Пушкинский номер. (ДМЦ)

«Негрский мальчик» – портрет юного Пушкина, включенный во все хрестоматии, для нее – надежная прививка русской культуре от идеи национального превосходства.

Репродукция гравюры Егора Гейтмана «Портрет А.С. Пушкина». СПб. 1886. (ГМП)

«Пушкин издания для городских училищ с негрским мальчиком, подпирающим кулачком скулу. <...> этот детский негрский портрет по сей день считаю лучшим из портретов Пушкина, портретом далекой африканской души его и еще спящей – поэтической. Портрет в две дали – назад и вперед, портрет его крови и его грядущего гения. Такого мальчика вторично избрал бы Петр, такого мальчика тогда и избрал.

<...>

Вся *литература для ребенка преждевременна, ибо* вся *говорит о вещах, которых он не знает и не может знать».*

Марина Цветаева
«Мой Пушкин», 1937

Миниатюра Николая Калиты к стихотворению «Бесы» знаменует особое отношение Цветаевой к этим строфам.

Николай Калита. Виньетка к стихотворению «Бесы» из книги: А.С. Пушкин. Избранная лирика. 1989. (ГМП)

«...Нет читателя, который одновременно бы не сидел в санях и не пролетал над санями, там, в беспредельной вышине, на разные голоса не выл и там, в санях, от этого воя не обмирал. Два полета: саней и туч, и в каждом ты *– летишь. Но помимо едущего и летящих, я была еще третьим: луною, – той, что, невидимая, видит: Пушкина, над ним – Бесов, и над Пушкиным и Бесами – сама летит».*

Марина Цветаева
«Мой Пушкин», 1937

Медальон с профилем Арины Родионовны и силуэт Пушкина с няней – отсылки к сюжету «сыновности» Пушкина.

«Из “К няне” Пушкина я на всю жизнь узнала, что старую женщину – потому что родная – можно любить больше, чем молодую – потому что молодая и даже потому что – любимая. Такой нежности слов у Пушкина не нашлось ни к одной».

Марина Цветаева
«Мой Пушкин», 1937

Яков Серяков. Арина Родионовна. 1960. (ГМП)

Николай Ильин. А.С. Пушкин и няня Арина Родионовна. Иллюстрация к стихотворению А.С. Пушкина «Зимний вечер». 1949. (ГМП)

Два больших произведения Пушкина Цветаева рассматривает с особой пристальностью: роман в стихах «Евгений Онегин» и повесть «Капитанская дочка». Фокус ее внимания – на фигурах Татьяны Лариной и Емельяна Пугачева соответственно. Первая трактуется Цветаевой как нравственный идеал, завещанный поэтом, второй – как воплощение силы, чарующей романтика мощью, как стихия, не знающая добра и зла.

Три иллюстрации современных художников выбраны к трем ключевым, по мнению Цветаевой, сценам каждого произведения. «С младенчества посейчас, весь “Евгений Онегин” для меня сводится к трем сценам: той свечи – той скамьи – того паркета» – т.е. ночной сцены письма Татьяны, отповеди Онегина ей в саду и отказа Татьяны ему в своем петербургском доме.

«У кого из народов – такая любовная героиня: смелая – и достойная, влюбленная – и непреклонная, ясновидящая – и любящая.
<...>

Да, да, девушки, признавайтесь – первые, и потом слушайте отповеди, и потом выходите замуж за почетных раненых, и потом слушайте признания и не снисходите до них – и вы будете в тысячу раз счастливее нашей другой героини, той, у которой от исполнения всех желаний ничего другого не осталось, как лечь на рельсы.

Между полнотой желания и исполнением желаний, между полнотой страдания и пустотой счастья мой выбор был сделан отродясь – и дородясь».

Марина Цветаева
«Мой Пушкин», 1937

Анатолий Иткин. Иллюстрация к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Татьяна в саду. 2009. (ГМП)

Константин Рудаков. Иллюстрация к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Татьяна у окна. Письмо. 1930–1940. (ГМП)

Елена Шипицова. Иллюстрация к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Письмо Онегина Татьяне. 2011. (ГМП)

«Вся “Капитанская дочка” для меня сводилась и сводится к очным встречам Гринева с Пугачевым: в метель с Вожатым (потом пропадающим) – во сне с мужиком – с Самозванцем на крыльце комендантского дома».

Анатолий Иткин. Иллюстрация к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Встреча с Пугачевым. 2014. (ГМП)

Павел Бунин. Иллюстрация к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Пугачев. 1962. (ГМП)

Павел Бунин. Иллюстрация к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Пугачев и Гринев. 1960. (ГМП)

«Есть магические слова, магические вне смысла, одним уже звучанием своим – физически-магические – слова, которые, до того как сказали *– уже значат, слова – самознаки и самосмыслы, не нуждающиеся в разуме, а только в слухе, слова звериного, детского, сновиденного языка.*

Возможно, что они в жизни у каждого – свои. Таким словом в моей жизни было и осталось – Вожатый.
<...>

Вожатого я ждала всю жизнь, всю свою огромную семилетнюю жизнь.

Это было то, что ждет нас на каждом повороте дороги и коридора, из-за каждого куста леса и каждого угла улицы – чудо – в которое ребенок и поэт попадают как домой <...>

В моей “Капитанской дочке” не было капитанской дочки, до того не было, что и сейчас я произношу это название механически, как бы в одно слово, без всякого капитана и без всякой дочки. Говорю: “Капитанская дочка”, а думаю: “Пугачев”.

Вся “Капитанская дочка” для меня сводилась и сводится к очным встречам Гринева с Пугачевым: в метель с Вожатым (потом пропадающим) – во сне с мужиком – с Самозванцем на крыльце комендантского дома <...>

Очная ставка Долга – и Бунта, Присяги – и Разбоя, и – гениальный контраст: в Пугачеве, разбойнике, одолевает человек, в Гриневе, ребенке, одолевает воин.
<...>

Все бессмертные диалоги Достоевского я отдам за простодушный незнаменитый гимназический хрестоматический диалог Пугачева с Гриневым, весь (как весь Пугачев и весь Пушкин), идущий под эпиграфом:

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...

В "Пире во время чумы" Пушкин нам это – сказал, в "Капитанской дочке" Пушкин нам это – сделал.
<...>

Пушкину я обязана своей страстью к мятежникам – как бы они ни назывались и ни одевались. Ко всякому предприятию – лишь бы было обречено.
<...>

Пушкинский Пугачев, помимо дани поэта – чаре, поэта – врагу, еще дань эпохе: Романтизму. У Гёте – Гёц, у Шиллера – Карл Моор, у Пушкина – Пугачев. Да, да, эта самая классическая, кристальная и, как вы ее еще называете, проза – чистейший романтизм, кристалл романтизма. Только те своих героев искали и находили либо в дебрях прошлого, этим бесконечно себе задачу облегчая и отдаленностью времен лишая их последнего правдоподобия, либо (Лермонтов, Байрон) – в недрах лирического хаоса, – либо в себе, либо в нигде, Пушкин же своего героя взял вне себя, и из предшествующего ему поколения (Пугачев по возрасту Пушкину – отец), этим бесконечно себе задачу затрудняя. Но зато: и Карл Моор, и Гёц, и Лара, и Мцыри, и собственный пушкинский Алеко – идеи, в лучшем случае – видения, Пугачев – живой человек. Живой мужик. И этот живой мужик – самый неодолимый из всех романтических героев. Сравнимый только с другим реалистическим героем, праотцом всех романтических: Дон-Кихотом.
<...>

Пугачева “Капитанской дочки” писал поэт. Пугачева “Истории Пугачевского бунта” – прозаик. Поэтому и не получился один Пугачев.

Как Пугачевым “Капитанской дочки” нельзя не зачароваться – так от Пугачева “Пугачевского бунта” нельзя не отвратиться. <...>

Какой же Пугачев – настоящий? Тот, что из страха отдал на растерзание любимую женщину и невинного младенца, на потопление – любимого друга, на удавление – вернейшего соратника и сам, в ответ на кровавый удар по лицу, встал на колени?

Или тот, что дважды, трижды, семижды простил Гринева и, узнав в толпе, в последний раз ему кивнул?

Что мы первое видим, когда говорим Пугачев? Глаза и зарево. <...>

Что мы первое и последнее чувствуем, когда говорим Пугачев? Его величие. Свою к нему любовь.

Так, силой поэзии, Пушкин самого малодушного из героев сделал образцом великодушия.

В “Капитанской дочке” Пушкин – историограф побит Пушкиным – поэтом, и последнее слово о Пугачеве в нас навсегда за поэтом.

Пушкин нам Пугачева “Пугачевского бунта” – показал, Пугачева “Капитанской дочки” – внушил. <...>

Ибо чара – старше опыта. Ибо сказка – старше были. И в жизни земного шара старше, и в жизни человека – старше. <...>

В Пугачеве Пушкин дал самое страшное очарование: зла, на минуту ставшего добром, всю свою самосилу (зла) перекинувшего на добро. Пушкин в своем Пугачеве дал нам неразрешимую загадку: злодеяния – и чистого сердца. Пушкин в Пугачеве дал нам доброго разбойника. <...>

Дав нам такого Пугачева, чему же поддался сам Пушкин? Высшему, что есть: поэту в себе. Непогрешимому чутью поэта на – пусть не бывшее, но могшее бы быть. Долженствовавшее бы быть. <...>

И сильна же вещь – поэзия...»

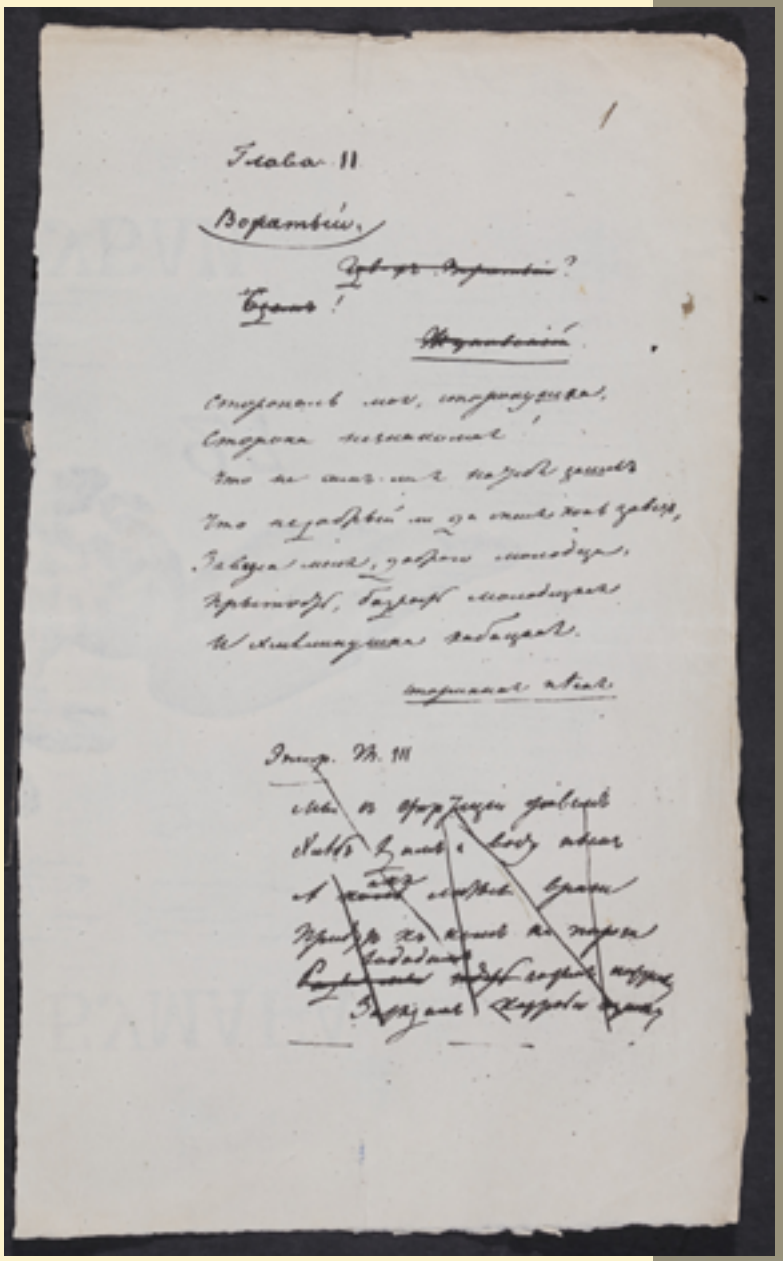
Марина Цветаева
«Пушкин и Пугачев», 1937

ИСТОРІЯ
ПУГАЧЕВСКАГО
БУНТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1834.

Пушкин Александр Сергеевич. История Пугачевского бунта. Ч. 1. СПб. 1834. (ГМП)



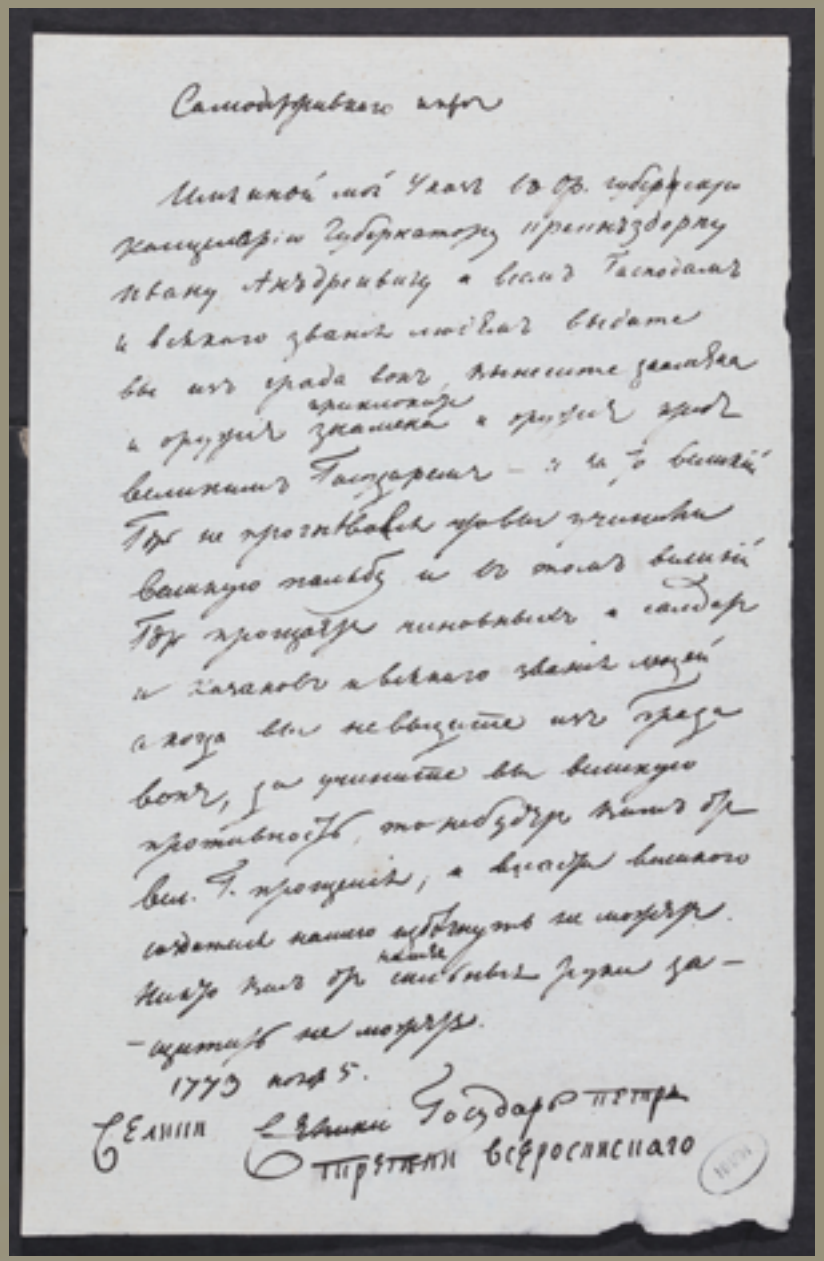
Глава II

Вожатый.

Сторонись мох, старушка,
Сторонись немножко
Что не знаешь ты разве
Что вожатый за сыном
Едет, сына, доброго молодца,
Воротился, бодрого молодца
И молитвушка забывается.

Эпигр. № III

А.С. Пушкин. Черновая рукопись повести «Капитанская дочка»: заглавие и эпиграф ко второй главе «Вожатый». Воспроизведение. (ГМП)



Самодержавного моего

Именной мой указ оренб. губернскому
канцеляристу губернатору прикащику
Ивану Кирилловичу и всем господам
и всякого звания людям объяте
вы сего указа вам повелеваем
и оружия знамена и прочей арт
великим государем – а за его высо
Бог не прогневаем чтоб
самую малую и в стол высо
Бог прощать изволили и государ
и государь и всякого звания люд
с ногу вы не вступите сего указ
вок, а учините во всякую
противность, это по воздаст вам Бог
вел. Его прощения, а буде кто
сделает нашего ослушен не может
никто как Бог наше
-щитель не может.
1773 года 5.

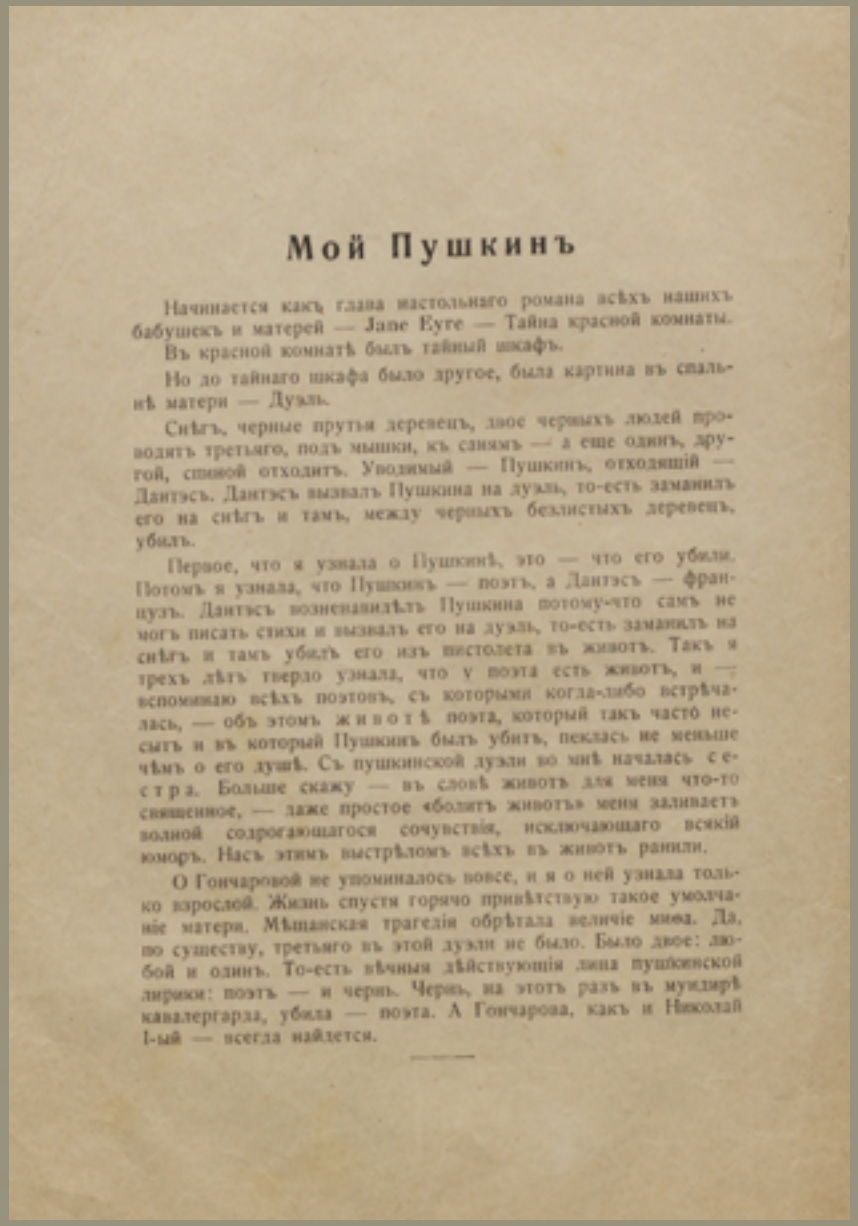
Селения Государь Петра
Третьим всероссийского

Из материалов к «Истории Пугачева»: переписанный рукой А.С. Пушкина указ Пугачева оренбургскому губернатору со скопированной подписью Пугачева как «Государя Петра Третьего Всероссийского». Воспроизведение. (ГМП)

Эссе Цветаевой «Пушкин и Пугачев» можно видеть в прижизненной публикации в журнале «Русские записки»; рядом – страницы из «Современных записок» с тоже прижизненной публикацией эссе Цветаевой «Мой Пушкин».

«Вожатый заведет нас далёко, может быть, еще дальше, чем подпоручика Гринева, в самые дебри добра и зла, в то место дебрей, где они неразрывно скручены и, скрутясь, образуют живую жизнь».

Марина Цветаева
«Мой Пушкин», 1937



Мой Пушкинъ

Начинается какъ глава настольнаго романа всѣхъ нашихъ бабушекъ и матерей — Jane Eyre — Тайна красной комнаты.

Въ красной комнатѣ былъ тайный шкафъ.

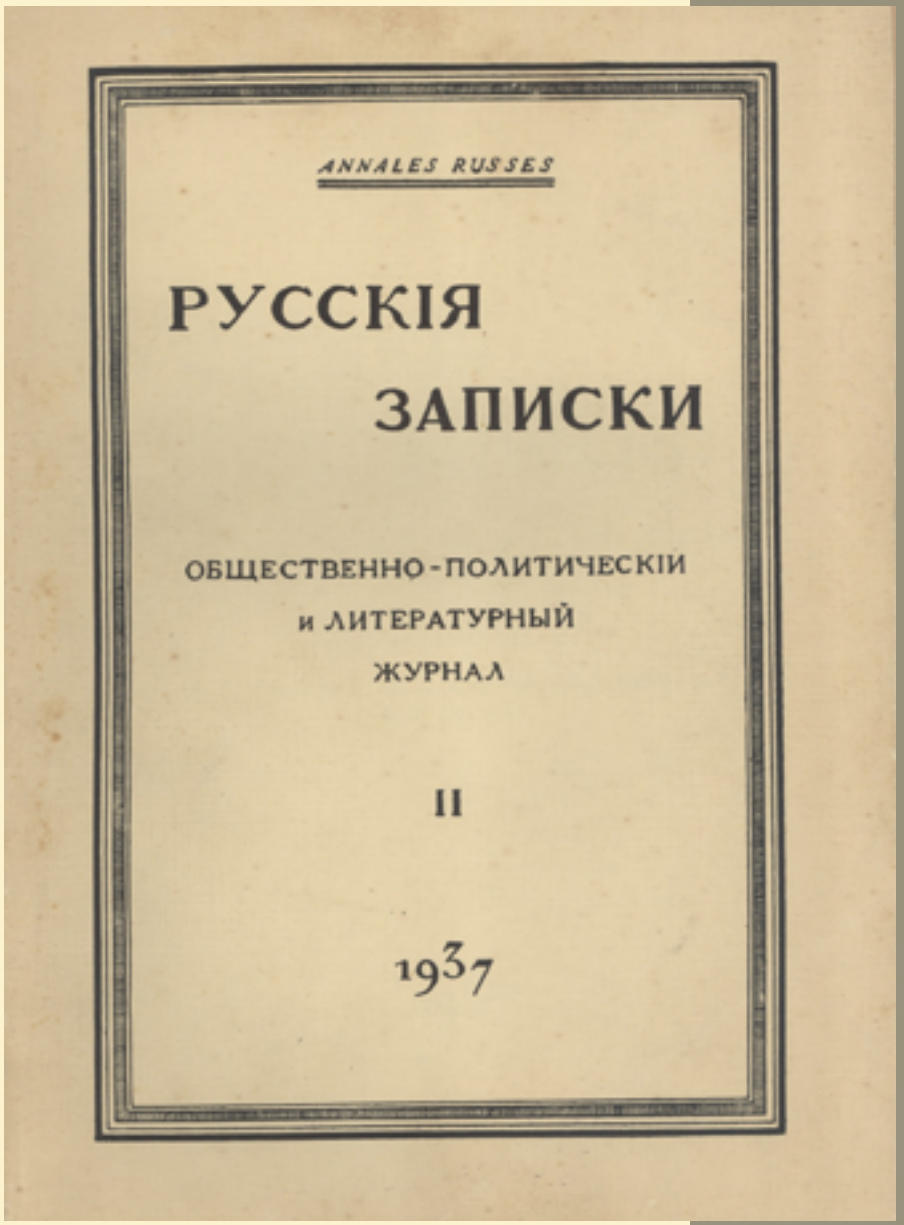
Но до тайнаго шкафа было другое, была картина въ спальнѣ матери — Дуэль.

Снѣгъ, черные прутья деревецъ, двое черныхъ людей проводятъ третьяго, подъ мышки, къ санямъ — а еще одинъ, другой, спиной отходитъ. Уводимый — Пушкинъ, отходящій — Дантесъ. Дантесъ вызвалъ Пушкина на дуэль, то-есть заманилъ его на снѣгъ и тамъ, между черныхъ безлистыхъ деревецъ, убилъ.

Первое, что я узнала о Пушкинѣ, это — что его убили. Потомъ я узнала, что Пушкинъ — поэтъ, а Дантесъ — французъ. Дантесъ возненавидѣлъ Пушкина потому-что самъ не могъ писать стихи и вызвалъ его на дуэль, то-есть заманилъ на снѣгъ и тамъ убилъ его изъ пистолета въ животъ. Такъ я трехъ лѣтъ твердо узнала, что у поэта есть животъ, и — вспоминаю всѣхъ поэтовъ, съ которыми когда-либо встрѣчалась, — объ этомъ животѣ поэта, который такъ часто несытъ и въ который Пушкинъ былъ убитъ, нисколько не меньше чѣмъ о его душѣ. Съ пушкинской дуэли во мнѣ началась сестра. Больше скажу — въ словѣ животъ для меня что-то священное, — даже простое «болитъ животъ» меня заливаетъ волной содрогающагося сочувствія, исключающаго всякій юморъ. Насъ этимъ выстрѣломъ всѣхъ въ животъ ранили.

О Гончаровой не упоминалось вовсе, и я о ней узнала только взрослой. Жизнь спустя горячо привѣтствую такое умолчаніе матеря. Мѣщанская трагедія обрѣтала величіе мифа. Да, по существу, третьяго въ этой дуэли не было. Было двое: любой и одинъ. То-есть вѣчныя дѣйствующія лица пушкинской лирики: поэтъ — и чернь. Чернь, на этотъ разъ въ мундирѣ кавалергарда, убила — поэта. А Гончарова, какъ и Николай I-ый — всегда найдется.

Фрагмент журнала. Современные записки. Париж. 1937. № LXIV. С. 195–234. (ДМЦ)



ANNALES RUSSES

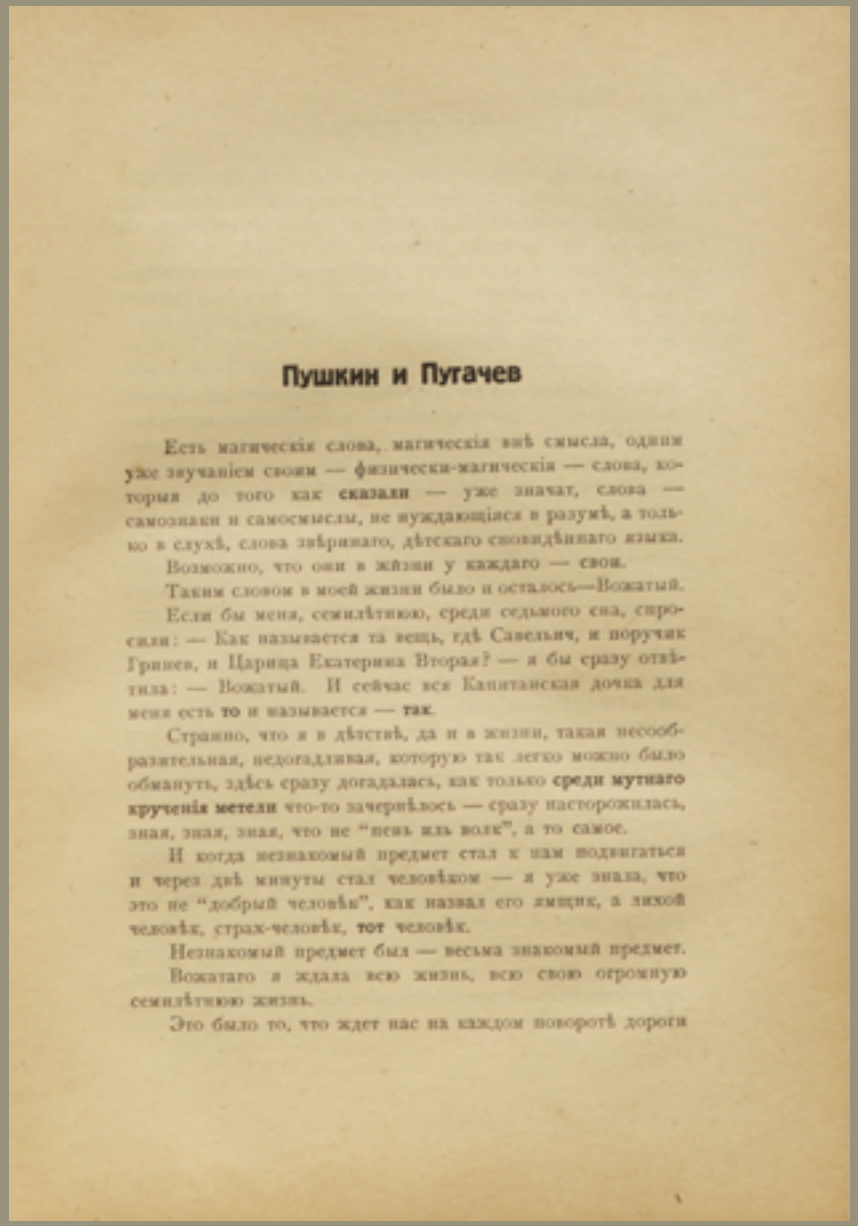
РУССКІЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

II

1937

Русские записки. Париж; Шанхай. 1937. № II. (ДМЦ)



Пушкин и Пугачев

Есть магическія слова, магическія внѣ смысла, одним уже звучаніем своим — физически-магическія — слова, которыя до того как **сказали** — уже значат, слова — самознаки и самосмыслы, не нуждающіяся в разумѣ, а только в слухѣ, слова звѣринаго, дѣтскаго сновидѣннаго языка.

Возможно, что они в жизни у каждаго — свои.

Таким словом в моей жизни было и осталось—Вожатый.

Если бы меня, семилѣтнюю, среди седьмого сна, спросили: — Как называется та вещь, гдѣ Савельич, и поручик Гринев, и Царица Екатерина Вторая? — я бы сразу отвѣтила: — Вожатый. И сейчас вся Капитанская дочка для меня есть **то** и называется — **так**.

Странно, что я в дѣтствѣ, да и в жизни, такая несообразительная, недогадливая, которую так легко можно было обмануть, здѣсь сразу догадалась, как только **среди мутнаго крученія метели** что-то зачернѣлось — сразу насторожилась, зная, зная, зная, что не "пень иль волк", а то самое.

И когда незнакомый предмет стал к нам подвигаться и через двѣ минуты стал человѣком — я уже знала, что это не "добрый человѣк", как назвал его ямщик, а лихой человѣк, страх-человѣк, **тот** человѣк.

Незнакомый предмет был — весьма знакомый предмет.

Вожатаго я ждала всю жизнь, всю свою огромную семилѣтнюю жизнь.

Это было то, что ждет нас на каждом поворотѣ дороги

Фрагмент журнала. Современные записки. Париж. 1937. № LXIV. С. 195–234. (ДМЦ)

Любимейшие свои стихотворения Пушкина Цветаева переложила на французский язык, подарив Европе свое избранное из Пушкина как квинтэссенцию духовно необходимого. В 1936 году она работала над семнадцатью переводами, закончила одиннадцать. На выставке можно видеть перевод строфы из «Пира во время чумы», записанный цветаевской рукой, и позднейшую копию ее перевода «Бесов», сделанную дочерью Цветаевой Ариадной Эфрон. Прижизненная публикация этого перевода – в парижской газете.

ПУШКИНЪ

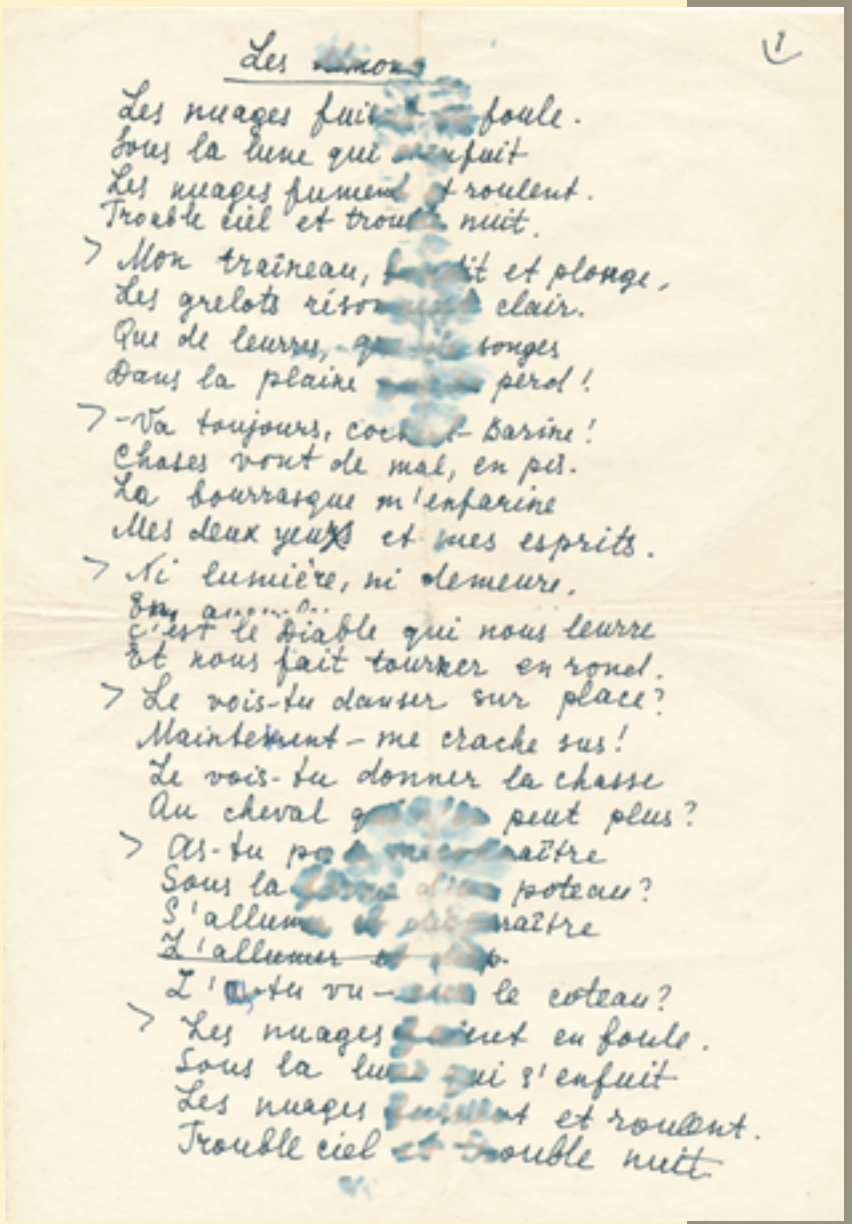
1837 1937

Содержаніе:

Память о Пушкинѣ въ русской эмиграціи

Пушкинъ въ „Жизни Арсеньева"

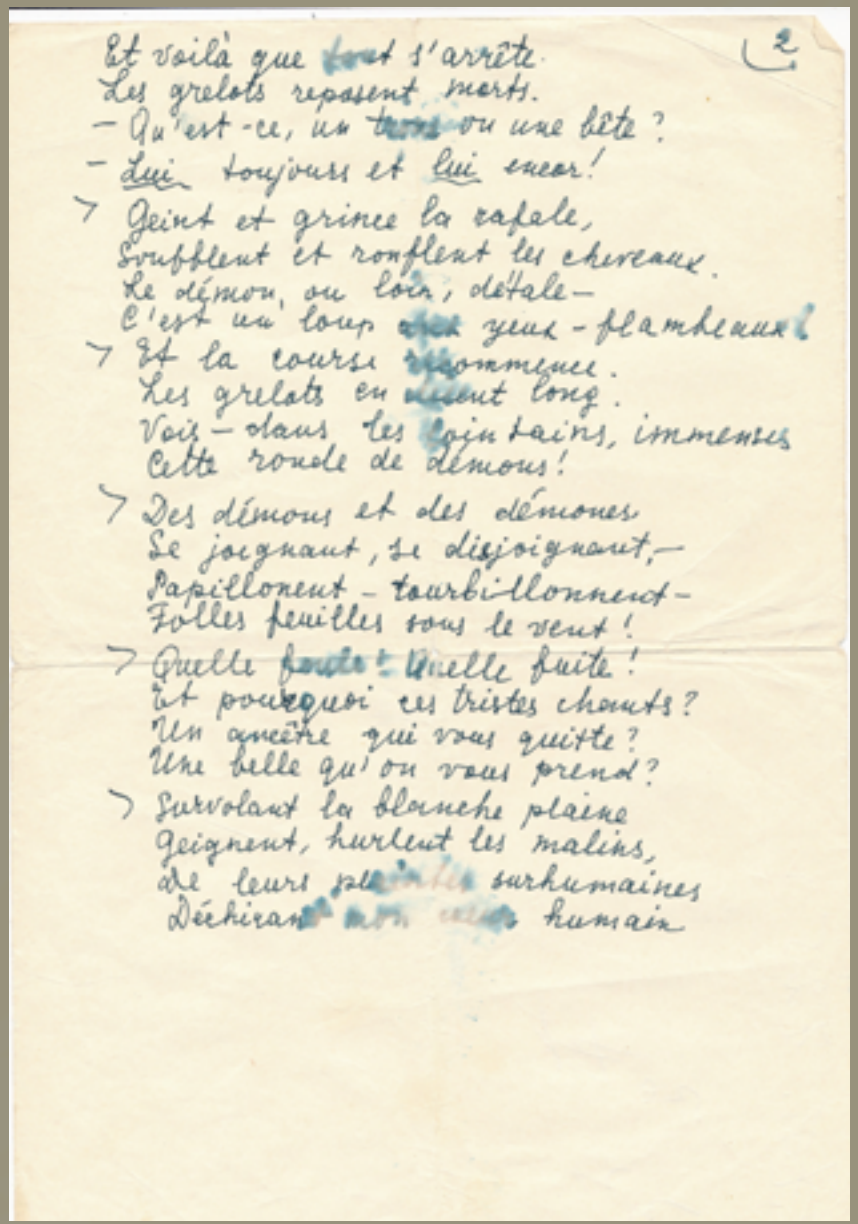
Пушкин, 1837–1937: однодневная газета. Париж. 1937. (ДМЦ)



1

Les démons

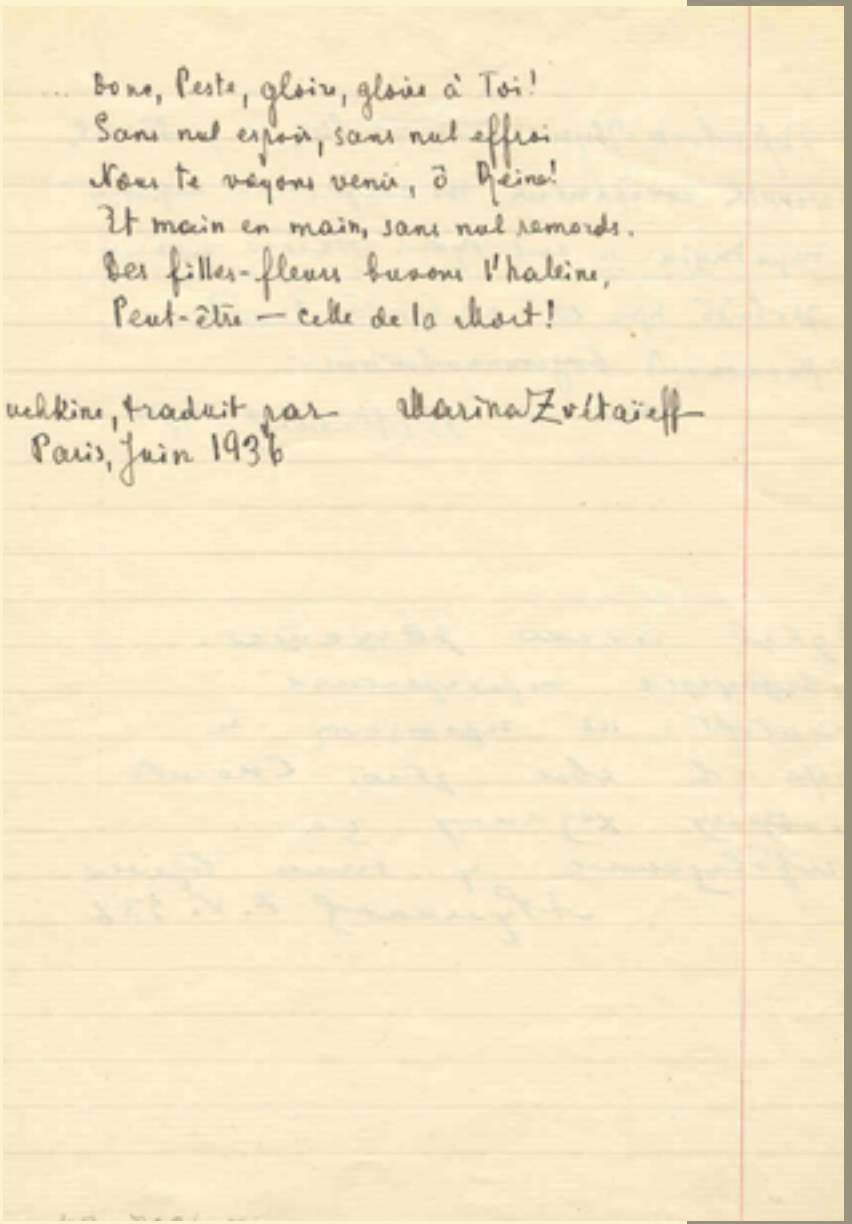
Les nuages fuient en foule.
Sous la lune qui s'enfuit
Les nuages fument et roulent.
Trouble ciel et trouble nuit.
> Mon traîneau, [illegible] et plonge,
Les grelots résonnent clair.
Que de leurres, que de songes
Dans la plaine [illegible] perd!
> -Va toujours, cochet-Barine!
Choses vont de mal, en pis.
La bourrasque m'enfarine
Mes deux yeux et mes esprits.
> Ni lumière, ni demeure.
En [illegible]
C'est le Diable qui nous leurre
Et nous fait tourner en rond.
> Le vois-tu danser sur place?
Maintenant - me crache sus!
Le vois-tu donner la chasse
Au cheval qu'il ne peut plus?
> As-tu pu [illegible] paître
Sous la [illegible] poteau?
S'allumer [illegible] paître
~~L'allumer [illegible]~~
L'as-tu vu - [illegible] le coteau?
> Les nuages fuient en foule.
Sous la lune qui s'enfuit
Les nuages fument et roulent.
Trouble ciel et trouble nuit



2

Et voilà que tout s'arrête.
Les grelots reposent morts.
- Qu'est-ce, un [illegible] ou une bête?
- Lui toujours et lui encor!
> Geint et grince la rafale,
Soufflent et ronflent les chevaux.
Le démon, ou loin, détale -
C'est un loup aux yeux-flambeaux!
> Et la course recommence.
Les grelots en disent long.
Vois - dans les lointains, immenses
Cette ronde de démons!
> Des démons et des démones
Se joignant, se disjoignant, -
Papillonent - tourbillonnent -
Folles feuilles sous le vent!
> Quelle foule! Quelle fuite!
Et pourquoi ces tristes chants?
Un ancêtre qui vous quitte?
Une belle qu'on vous prend?
> Survolant la blanche plaine
Geignent, hurlent les malins,
De leurs plaintes surhumaines
Déchirant mon [illegible] humain

Марина Цветаева. Перевод на французский язык стихотворения А.С. Пушкина «Бесы». Копия рукой неустановленного лица. [Москва. 1960-е]. (ДМЦ)


... Donc, Peste, gloire, gloire à Toi!
Sans nul espoir, sans nul effroi
Nous te voyons venir, ô Reine!
Et main en main, sans nul remords,
Des filles-fleurs buvons l'haleine,
Peut-être — celle de la Mort!

uchkine, traduit par Marina Zvetaïeff
Paris, Juin 1936

Автограф. Марина Цветаева. Перевод на французский язык строфы из поэмы А.С. Пушкина «Пир во время чумы» («...Donc, Peste, gloire, gloire à Toi!»). Франция, Париж. Июнь 1936. (ДМЦ)

О всемирном значении наследия Пушкина говорят экспонаты, происходящие из среды русской эмиграции в Европе, и соседствующие с ними афиши пушкинских событий в СССР.

Афиша. Вечер в ТРАМе (Театре рабочей молодежи). Москва. 8 февраля 1937. (ГМП)

Афиша. Выставка, посвященная жизни и творчеству А.С. Пушкина. К 100-летию со дня смерти. МГУ. Москва. 13 февраля 1937. (ГМП)

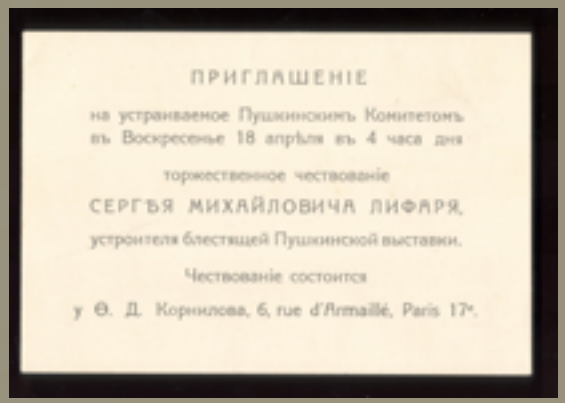
Афиши выставок, программы вечеров памяти поэта, проходивших в Париже в 1937 году, газеты и журналы, посвященные Пушкину – свидетельства огромной работы русской диаспоры, повсеместно утверждавшей гений первого поэта России.

Афиша. Вечер памяти А.С. Пушкина в концертном зале Плейель 8 февраля 1937 г. Франция, Париж. 1937. (ДМЦ)

Входной билет на Пушкинскую выставку в музей L'Opéra. [Франция, Париж. 1937]. (ДМЦ)

Афиша. Вечер памяти А.С. Пушкина 8 февраля 1937 г., организованный Сергеем Лифарем. Франция, Париж. 1937. (ДМЦ)

Афиша работы Жана Кокто. Выставка Лифаря С.М. «Пушкин. 1837−1937». Концертный зал Плейель, 16 марта − 15 апреля 1937 г. Франция, Париж. 1937. (ДМЦ)


ПРИГЛАШЕНІЕ

на устраиваемое Пушкинскимъ Комитетомъ
въ Воскресенье 18 апрѣля въ 4 часа дня

торжественное чествованіе

СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛИФАРЯ,

устроителя блестящей Пушкинской выставки.

Чествованіе состоится

у Ѳ. Д. Корнилова, 6, rue d'Armaillé, Paris 17e.

Приглашение Пушкинского комитета на чествование Сергея Лифаря как устроителя Пушкинской выставки. Франция, Париж. 1937. (ДМЦ)

CENTENAIRE

DE

POUCHKINE

1799-1837

1837

1937

CÉLÉBRÉ EN SORBONNE

Le Mardi 26 Janvier 1937

SOUS LA PRÉSIDENCE DE M. JEAN ZAY, MINISTRE DE L'ÉDUCATION NATIONALE,
EN PRÉSENCE DE M. YVON DELBOS, MINISTRE DES AFFAIRES ÉTRANGÈRES,
ET DE M. VLADIMIR POTEMKINE,
AMBASSADEUR DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOCIALISTES SOVIÉTIQUES

Программа Пушкинского вечера, посвященного столетию со дня гибели поэта. Сорбонна, 26 января 1937 г. Франция, Париж. 1937. (ДМЦ)

Саль Iена (10, авеню д'Iена), Парижъ - XVI

29-го Января (11-го Февраля) 1937 года

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНІЕ

подъ предсѣдательствомъ

В. А. МАКЛАКОВА,

Предсѣдателя Пушкинскаго Комитета

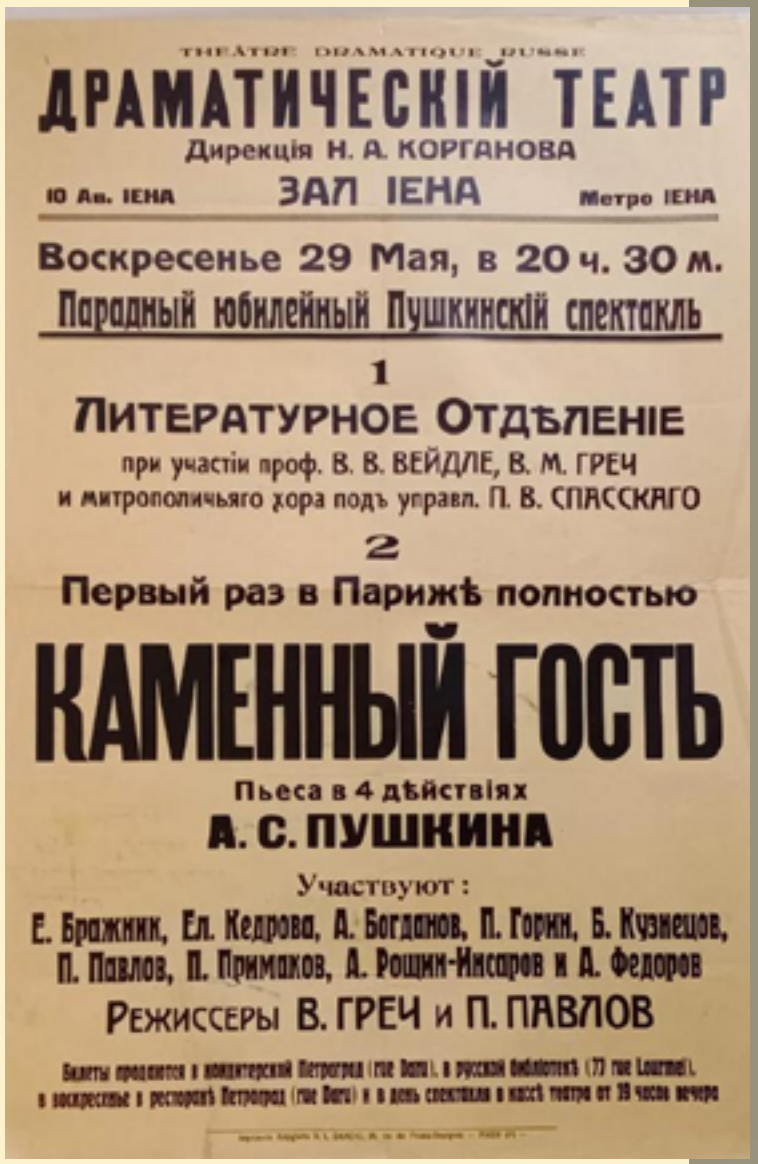
въ день сотой годовщины смерти

ПУШКИНА

26 МАЯ / 7 ИЮНЯ 1799 — 29 ЯНВАРЯ / 10 ФЕВРАЛЯ 1837

Портретъ Пушкина
Кисти Кипренскаго

Программа торжественного собрания под председательством В.А. Маклакова. Париж, 29 января (11 февраля) 1937 г. Франция, Париж. 1937. (ДМЦ)



THEÂTRE DRAMATIQUE RUSSE

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТР

Дирекція Н. А. КОРГАНОВА

10 Ав. IENA — ЗАЛ IENA — Метро IENA

Воскресенье 29 Мая, в 20 ч. 30 м.

Парадный юбилейный Пушкинскій спектакль

1

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

при участіи проф. В. В. ВЕЙДЛЕ, В. М. ГРЕЧ
и митрополичьяго хора подъ управл. П. В. СПАССКАГО

2

Первый раз в Парижѣ полностью

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

Пьеса в 4 дѣйствіях

А. С. ПУШКИНА

Участвуют :

Е. Бражник, Ел. Кедрова, А. Богданов, П. Горин, Б. Кузнецов, П. Павлов, П. Примахов, А. Рощин-Инсаров и А. Федоров

РЕЖИССЕРЫ В. ГРЕЧ и П. ПАВЛОВ

Билеты продаются в кондитерской Петрограда (rue Bona), в русской библіотекѣ (77 rue Lourmel), в воскресенье в ресторанѣ Петрограда (rue Bona) и в день спектакля в кассѣ театра от 19 часов вечера

Афиша. «Парадный юбилейный пушкинский спектакль: 1. литературное отделение, 2. “Каменный гость”, пьеса А.С. Пушкина», реж. Греч В.М. Драматический театр, дирекция Корганова Н.А. (Theatre dramatique russe), 29 мая [1937 г.] Франция, Париж. 1937. (ДМЦ)

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

50 — 50 —

100-лѣтіе смерти Пушкина

(1837 – 1937)

Воскрешенный Пушкинъ

Даръ Пушкина

Отъ бунта къ прощенію

Последние новости: ежедневная газета под ред. П.Н. Милюкова. Париж. 10 февраля 1937. № 5801. (ДМЦ)

Программа вечера, посвященного столетию со дня гибели А.С. Пушкина, при участии Ассоциации русского искусства во Франции. Париж. 21 февраля 1937. (ДМЦ)

Журнал. Иллюстрированная Россия. Париж. 20 февраля 1937. № 9. (ДМЦ)

О том, что память русских эмигрантов о великом поэте не ограничивалась событиями одного 1937 года, говорят экспонаты и более ранних, и более поздних лет.

SALLE PLEYEL, 252, RUE DU FAUBOURG SAINT-HONORÉ (VIIIe)

Dimanche 13 Février 1938, à 21 h. (OUVERTURE DES PORTES à 20 h. 45)

CÉLÉBRATION FINALE DU CENTENAIRE

POUCHKINE

SOIREE MUSICALE ET CHORÉGRAPHIQUE

ORGANISÉE PAR LE COMITÉ D'AIDE TEMPORAIRE AUX RUSSES

CRÉATIONS RUSSES INSPIRÉES PAR LE GÉNIE DU POÈTE

ROUSSALKA Opéra de DARGOMIJSKY

AVEC LE GRACIEUX CONCOURS DE

Mesdames N. KOREL, MARIE MARCOVITCH, du Théâtre Marie de St-Pétersbourg, et T. OSSIPOVA
MM. J. JAROFF, de l'Opéra Russe à Paris, et G. POZIEMKOVSKY, du Théâtre Marie de St-Pétersbourg

Grands Chœurs de l'Opéra Russe à Paris sous la direction de M. A. LABINSKY

Danses réglées par M. SERGE LIFAR, Maître de Ballet, Premier Danseur de l'Opéra, et exécutées par les élèves des Studios de Danses de Mmes KSCHESSINSKA, PRÉOBRAJENSKAYA, TRÉFILOVA et EGOROVA

SERGE LIFAR et Mlle LORCIA dans L'OISEAU BLEU

COQ D'OR, opéra de RIMSKY-KORSAKOFF

Airs chantés par Mme Z. LISSITCHKINA, de l'Opéra Russe à Paris et du Grand Théâtre de Moscou

Danses de l'opéra « Coq d'Or »

Au piano : Mme Irène ENERY et M. A. LABINSKY

Афиша. Вечер памяти А.С. Пушкина 13 февраля 1938 г. Музыкально-хореографическая постановка п/р С. Лифаря «Русалка». Опера Даргомыжского. Франция, Париж. 1938. (ДМЦ)

SALLE RAMEAU, 252, FAUBOURG SAINT-HONORÉ (VIIIe)
DIMANCHE 17 FÉVRIER 1935, à 20 heures 30 précises

FESTIVAL
DE
MUSIQUE RUSSE D'OPÉRA

dédié à la mémoire du grand poète russe

POUCHKINE

organisé par le Comité d'Aide temporaire aux Russes avec le gracieux concours des artistes d'opéra russes.

1. ROUSSLAN ET LUDMILA

Opéra de M. GLINKA.

ACTE I. TABLEAU 1.

Bayan . . . . . Mr. J. DENISSOFF, du Théâtre Marie de St-Pétersbourg.

ACTE II. TABLEAU 1.

Rousslan . . . . . Mr. A. KANCHINE, de « La Scala » de Milan.
Finn . . . . . Mr. G. POZEMKOVSKY, du Théâtre Marie de St-Pétersbourg.

ACTE II. TABLEAU 3.

Air de Rousslan. . . . . Mr. A. KANCHINE.

2. LE CHEVALIER AVARE

Opéra de Serge RACHMANINOFF (Première audition)

TABLEAU 2.

Monologue du Baron. . . . . Mr. A. KANCHINE.

3. LE CONTE DU TZAR SALTAN

Opéra de N. RIMSKY-KORSAKOFF

ACTE III.

Le vol du bourdon . . . . . L'artiste du studio de Mme M. KSCHESINSKA.
Chorégraphie de Mr. Serge LIFAR, Maître de ballet du Théâtre National de l'Opéra.

4. EUGÈNE ONÉGUINE

Opéra de P. TSCHAIKOVSKY

ACTE I. TABLEAU 1.

Tatiana . . . . . Mme H. KARNYZKA, de l'Opéra Russe à Paris.
Olga . . . . . Mme M. MARKOVITCH, du Théâtre Marie de St-Pétersbourg.

ACTE I. TABLEAU 2.

Tatiana . . . . . Mme H. KARNYZKA.
La nourrice . . . . . Mme M. MARKOVITCH.

ACTE II. TABLEAU 1.

Valse . . . . . Les artistes du Studio de Mme M. KSCHESINSKA.
Chorégraphie de Mme M. KSCHESINSKA.

ACTE II. TABLEAU 2.

Lensky. Mr. G. POZEMKOVSKY.
Onéguine. Mr. G. DOUBROVSKY. de l'Opéra Russe à Paris.
Zaretsky. Mr. B. ZAPOLSKY.

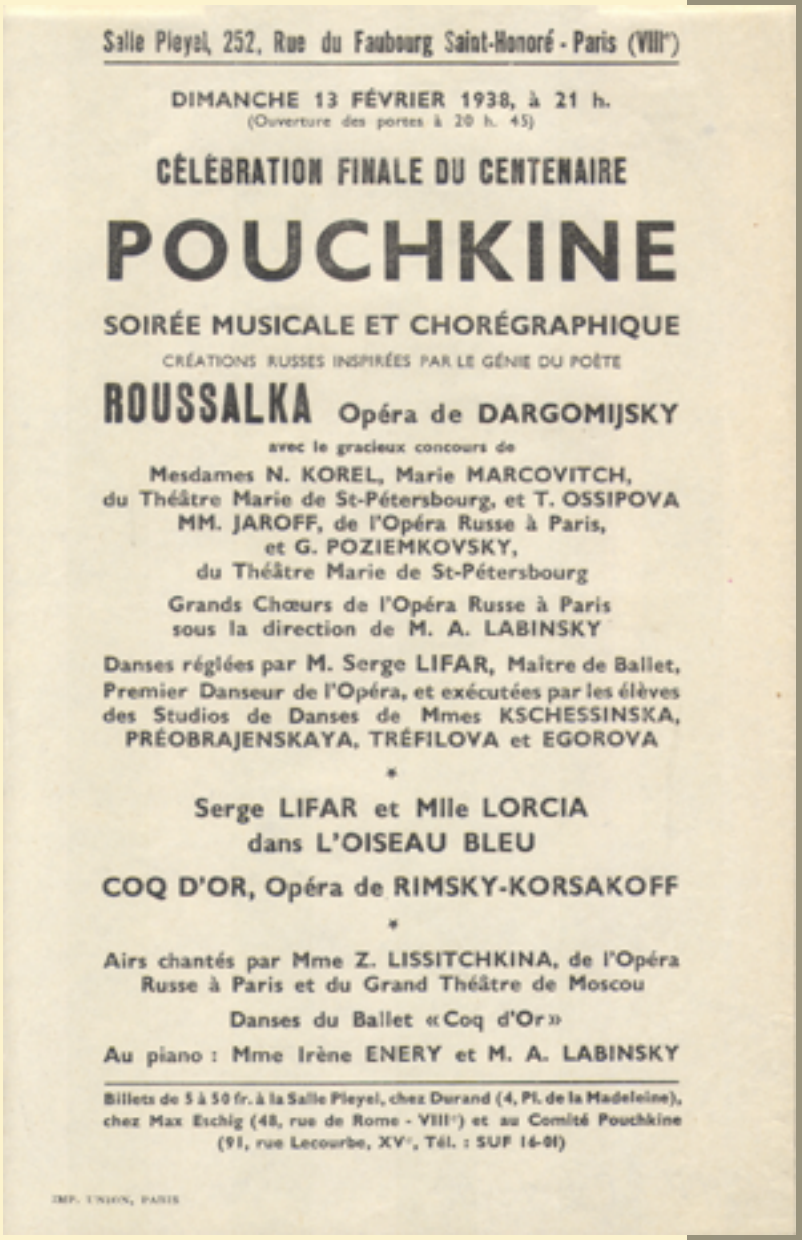
ACTE III. TABLEAU 3.

Tatiana . . . . . Mme H. KARNYZKA.
Onéguine . . . . . Mr. G. DOUBROVSKY.

Aux deux pianos :
M. A. LABINSKY, chef d'orchestre de l'Opéra Russe à Paris et Mme S. MANIKOVSKY.

BILLETS à 3, 5, 10, 15 et 25 fr. à la SALLE RAMEAU, chez DURAND, au COMITÉ CENTRAL RUSSE, 79, Boulevard Saint-Michel, (5e), et chez la Princesse MESTCHERSKY, 3, Villa de la Réunion (16e).

Афиша. Festival de musique russe d'opéra dedie a la memoire du grand poete russe Pouchkine. Demanche, 17 fevrier 1935. (Афиша фестиваля русской оперы памяти А.С. Пушкина, 17 февраля 1935 г.) Франция, Париж. 1935. (ДМЦ)



Salle Pleyel, 252, Rue du Faubourg Saint-Honoré - Paris (VIIIe)

DIMANCHE 13 FÉVRIER 1938, à 21 h.
(Ouverture des portes à 20 h. 45)

CÉLÉBRATION FINALE DU CENTENAIRE

POUCHKINE

SOIRÉE MUSICALE ET CHORÉGRAPHIQUE

CRÉATIONS RUSSES INSPIRÉES PAR LE GÉNIE DU POÈTE

ROUSSALKA Opéra de DARGOMIJSKY

avec le gracieux concours de

Mesdames N. KOREL, Marie MARCOVITCH,
du Théâtre Marie de St-Pétersbourg, et T. OSSIPOVA
MM. JAROFF, de l'Opéra Russe à Paris,
et G. POZIEMKOVSKY,
du Théâtre Marie de St-Pétersbourg

Grands Chœurs de l'Opéra Russe à Paris
sous la direction de M. A. LABINSKY

Danses réglées par M. Serge LIFAR, Maître de Ballet,
Premier Danseur de l'Opéra, et exécutées par les élèves
des Studios de Danses de Mmes KSCHESSINSKA,
PRÉOBRAJENSKAYA, TRÉFILOVA et EGOROVA

*

Serge LIFAR et Mlle LORCIA
dans L'OISEAU BLEU

COQ D'OR, Opéra de RIMSKY-KORSAKOFF

*

Airs chantés par Mme Z. LISSITCHKINA, de l'Opéra
Russe à Paris et du Grand Théâtre de Moscou

Danses du Ballet «Coq d'Or»

Au piano : Mme Irène ENERY et M. A. LABINSKY

Billets de 5 à 50 fr. à la Salle Pleyel, chez Durand (4, Pl. de la Madeleine),
chez Max Eschig (48, rue de Rome - VIIIe) et au Comité Pouchkine
(91, rue Lecourbe, XVe, Tél. : SUF 16-01)

IMP. UNION, PARIS

Программа музыкально-хореографического вечера, посвященного 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина, с участием Сергея Лифаря, Матильды Кшесинской и др. Концертный зал Плейель, 13 февраля 1938 г. Франция, Париж. 1938. (ДМЦ)

Концепция, текст – Наталья Шаинян

Подбор предметов (Дом-музей Марины Цветаевой, ДМЦ) – Ксения Логушкина

Подбор предметов (Государственный музей А.С. Пушкина, ГМП) – Анна Волховская и Отдел выставок ГМП

Редактор – Любовь Викулина

Верстка – Александра Миндрина

Директор Дома-музея Марины Цветаевой – Юлия Чурсина

Директор Государственного музея А.С. Пушкина – Евгений Богатырев